

И. И. ЛЯПУШКИН

РАНЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Среди древних поселений, известных в области Днепровского лесостепного Левобережья, поселения славяно-русской культуры составляют самую многочисленную группу. Их насчитывается около сотни. Они распространены по всей территории от Днепра до Северского Донца и от Ворсклы до Сейма. Как и поселения других культур этой территории, концентрируются они по отдельным районам неравномерно. Однако из этого пока что едва ли следует делать окончательный вывод о плотности заселения тех или других мест. Здесь, повидимому, мы имеем дело с той же самой картиной, что и для других эпох, например для первой половины I тысячелетия н. э.: мы знаем больше памятников в тех частях Левобережья, которые лучше обследованы, и совершенно не знаем их на необследованных участках.¹ Таковым является бассейн верхнего течения р. Ворсклы от с. Хотмыжска до с. Петровского. Лишь о степной полосе Левобережья, лежащей к югу и востоку от водораздельной линии среднего и нижнего течения рек Ворсклы и Орели и верхнего течения р. С. Донца с одной стороны и Орели и Оскола — с другой, можно более или менее уверенно утверждать, что памятников славяно-русской культуры там нет или же они крайне малочисленны.

Поселения славянской культуры хронологически не составляют единого целого. Сейчас еще трудно судить, что представляет собой каждое из них в отдельности. Это дело дальнейших исследований, когда поселения будут тщательно изучены путем раскопок. Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении материалы, характеризующие культурно-хронологический облик поселений, позволяют нам расчленить эти памятники лишь на большие хронологические группы. Таких групп намечается три:

1) поселения (городища и селища) роменско-боршевского типа (VIII—X вв.);

2) поселения (городища и селища) с отложениями культуры роменско-боршевского типа и великокняжеской поры (VIII—XIII вв.);

3) поселения (городища и селища) великокняжеской поры (X—XIII вв.).

В настоящей работе мы остановимся лишь на раннеславянских поселениях VIII—X вв., т. е. на первой группе, и на слоях, относящихся к той же поре поселений второй группы.

¹ И. И. Л я п у ш к и н. Памятники культуры «полей погребений» первой половины первого тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 9—10

Раннеславянские поселения VIII—X вв. Днепровского Левобережья известны в литературе под названием городищ роменского или роменско-боршевского типа. Название это ими было получено от имени двух групп городищ — Роменской, исследованной Н. Е. Макаренко в начале XX в. (Монастырище, Медвежье, Вашкевича, Глинск и др.), и Боршевской, исследованной в конце 20-х — начале 30-х годов П. П. Ефименко.¹ Это не значит, однако, что славянские поселения VIII—X вв. этого типа в области Левобережья ранее известны не были. Поселения эти входят в научный обиход еще с начала XIX в. Больше того, некоторые из них уже тогда подвергаются научному изучению. Укажем на исследование А. Дмитриюкова в 1829 г. городищ у с. Горналя (б. Белогорского монастыря).² Им были произведены здесь раскопки курганов с трупосожжением и труположением. Очень осторожно А. Дмитриюков ставит вопрос: не были ли эти курганы славянскими?

Одновременно с курганами А. Дмитриюковым были подвергнуты небольшим раскопкам находящиеся вблизи курганов два городища, известные в настоящее время как поселения роменско-боршевского типа. Основываясь на сходстве материалов, добытых при раскопках курганов и городищ, но не давая им, однако, никакой характеристики, А. Дмитриюков так же осторожно ставит вопрос: не являются ли городища остатками древнерусского города.³ Дальше этих предположений автор не пошел. В частности, им не была определена хронология городищ.

В 1839 г. В. Пассеком было исследовано так называемое Каганово (Донецкое) городище,⁴ известное в настоящее время как поселение, содержащее отложения славянской культуры роменско-боршевского типа и великокняжеской поры.⁵

Во второй половине XIX в. профессор Харьковского университета Ю. И. Морозов исследовал Хорошевское городище.⁶ Это городище, наряду с отложениями скифского времени, содержало отложения славянской культуры VIII—X вв. роменско-боршевского типа и великокняжеской поры.

Большое количество поселений, содержащих отложения культуры роменско-боршевского типа, в области Левобережья в бассейне рек Ворсклы, Псла и Сулы было обследовано В. Г. Ляскоронским в конце XIX — начале XX в. Таковы городища Опошнянское, Глинское, Сары, Басивка, Лубны, Медвежье и ряд других.⁷

¹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевского типа. СА, IX, 1947, стр. 121 сл.

² А. Дмитриюков. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах. Вестн. РГО, 1851, ч. 11, кн. 4, СПб., 1854. — О н ж е. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Тр. Курск. губ. статистич. ком., вып. 1, Курск, 1863, стр. 506—517.

³ А. Дмитриюков. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах, стр. 26—37.

⁴ В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русск. истор. сб., т. III, кн. 2, М., 1840, стр. 201—229.

⁵ В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII Археологического съезда. Донецкое городище. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. — Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г., I. Донецкое городище. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 119—120.

⁶ Ю. И. Морозов. О городищах Харьковской губ. Тр. Харьк. ком. по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 82—97.

⁷ В. Г. Ляскоронский. Городища, курганы и длинные змеевые валы в бассейне р. Сулы. Тр. XI АС, т. I, М., 1901. — О н ж е. Городища, курганы и длинные (змеевые) валы по течению рек Псла и Ворсклы. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907.

Однако в силу того, что исследователи не могли отличить материальную культуру поселений одного периода от культуры другого периода, в частности славянских древностей VIII—X вв. от древностей предшествующей поры,¹ все обследованные городища рассматривались лишь как «остатки древних поселений» вообще.

В начале XX в., после исследования Н. Е. Макаренко группы городищ в районе г. Ромны, вопрос о славянских поселениях до X в. приобрел большую определенность, но все же окончательно разрешен не был.

Исследователь этих поселений Н. Е. Макаренко был весьма осторожен в определении как этнического облика населения, оставившего эти городища, так и датировки их. Дальше «предположений и догадок» он не шел.² Более определенны были выводы других исследователей, занимавшихся памятниками славяно-русской культуры. Автор исследования «Славянские курганы и городища как исторический источник», характеризуя славянские городища, отмечает в числе других и городище Монастырище.³ К славянским поселениям до X в. относит Роменское городище и А. А. Спицын. В статье «Археология в темах начальной русской истории» он прямо писал, что «древним городищем, скорее всего северянским, следует считать Роменское, раскапываемое Макаренко (ИАК, вып. 22). Может быть, оно IX в.»⁴ Однако это была скорее интуиция, чем научно обоснованный вывод.

Только раскопки П. П. Ефименко в конце 20-х — начале 30-х годов на городищах воронежской группы (Б. Боршево, М. Боршево, Кузнецова дача, Михайловский кордон) внесли ясность в наше представление о характере славянской культуры до X в. в лесостепной полосе.⁵

В свете этих новых данных более отчетливо выступили славяно-русские поселения до X в. и на Левобережье. Правда, имевшиеся в распоряжении исследователей материалы первоначально позволили выделить лишь незначительную группу поселений, которые возможно было отнести к этому типу. Основная масса их концентрировалась в бассейне верхнего течения р. Сулы (Монастырище, Медвежье, Вашкевичи, Глинск).⁶ Но отдельные поселения оказались и в других районах Левобережья: в бассейне р. Десны — городище у оз. Буромки,⁷ в бассейне р. Псла — городище Крейдисе близ г. Сумы,⁸ Гочевское — близ г. Обояни,⁹ в бассейне Северского Донца — Донецкое.¹⁰

¹ ЗРАО, нов. сер., вып. XII, стр. 404—408.—ОАК, за 1905 г., СПб., 1908, стр. 98—99.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907. — М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ Роменського типу. *Niederlänv Sbornik*. — Микола Макаренко. Городище Монастирище. Науков. збірн. істор. секції УАН, 1924, т. XIX. См. также: И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, стр. 121 сл.

³ Сборник археологического музея Высших женских курсов в Киеве, вып. 1. Киев, 1914, стр. 17—18.

⁴ Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 10.

⁵ П. П. Ефименко. Раннеславянское поселение на Среднем Дону. Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 2. — П. П. Ляпушкин. О датировке городищ..., стр. 121—136. — П. П. Ефименко и Ш. П. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, вып. 8, М.—Л., 1948.

⁶ См. отмеченные выше работы Н. Макаренко.

⁷ ИТУАК, вып. 47, стр. 135—151.

⁸ С. Магура. Археологічні досліді на Сумщині, року 1929-го. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, Киев, 1930.

⁹ Д. Я. Самоковцов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда Курской губ. М., 1915. — Атлас Гочевских древностей, М., 1915.—Б. А. Рыбаков. Анти и Киевская Русь. ВДП, 1939, № 1 (6).

¹⁰ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г., 1. Донецкое городище. ИАК, вып. 19, стр. 119—120.

Не было никакого сомнения в том, что славянские поселения до X в. будут выявлены и в других районах Левобережья. Разведочные работы в этом крае, начатые в 1938 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) совместно с Институтом археологии АН УССР, полностью подтвердили это предположение.

За время с 1938 по 1948 г. (1938, 1940, 1945, 1946, 1947, 1948 гг.) Левобережная экспедиция провела обследование берегов основных левых притоков Днепра — Орели, Ворсклы, Псла, Сулы, нижнего течения Десны, Сейма, а также берегов рек бассейна верхнего течения Северского Донца (С. Донец до устья Оскола, Оскол и Уды) и выявила среди многочисленных древних поселений, как известных ранее, так и вновь открытых, не один десяток раннеславянских поселений роменско-боршевского типа. Экспедиции удалось проследить южные, восточные и западные (в пределах Левобережья) границы распространения этих поселений. На востоке граница их проходит по верховьям рек Сейма (поселение у с. Городище на р. Рати), Псла (поселение у с. Картамышево близ Обояни), Ворсклы (поселение в с. Хотмыжске Борисовского района). Близ устья р. Уды славянские поселения роменско-боршевского типа выходят на берег С. Донца (поселение у с. Мохнача). По берегам р. Оскола раннеславянских поселений не обнаружено совершенно.

Южная граница роменско-боршевских поселений проходит по нижнему течению рек Уды [поселения у сс. Водяное, Хорошево, Карачевка (Донецкое городище)] и Ворсклы [Полтава, Решетники (б. Ст. Сенжары)].

Самой южной, известной в настоящее время, точкой этих памятников является поселение у с. Решетники (правый берег нижнего течения р. Ворсклы), обнаруженное экспедицией в 1946 г. Южнее по Ворскле, а также в бассейне Орели поселений роменско-боршевского типа не выявлено.

Западная граница распространения поселений роменско-боршевского типа в области Левобережья проходит по линии Сосница на Десне (городище у оз. Буромка) — Лубны на Суле (городище в г. Лубнах) — Решетники на Ворскле (городище у с. Решетники). За этой линией вплоть до берега Днепра ясно выраженных поселений роменско-боршевского типа не известно. Отдельные элементы раннеславянской культуры в виде обломков лепной керамики были выявлены на селище близ с. Горицы в урочище Дворище (правый берег р. Десны между Черниговом и Сосницей). Остатки раннеславянской культуры до X в., близкие к роменско-боршевскому типу, были обнаружены на городище у с. Шестовицы (правый берег р. Десны близ Чернигова).¹

Мы не касаемся здесь северной границы распространения роменско-боршевских поселений, поскольку они в этом направлении выходят далеко за пределы исследуемой нами территории (бассейн р. Десны).² По сути дела левобережные лесостепные роменско-боршевские поселения — лишь незначительная и к тому же, повидимому, более поздняя группа большого массива раннеславянских поселений пограничной полосы лесостепи и леса.

Из изложенного выше с полной очевидностью следует, что раннеславянские поселения в области Левобережья имели хотя и широкое, но далеко не повсеместное распространение: они совершенно не обнаружены в степной части, но и в лесостепи встречены не везде, а лишь в районах с явно лесным ландшафтом (бассейны рр. Сейма, верхнего и среднего течения Псла, Сулы, Ворсклы). В безлесных районах их нет.

¹ Раскопки И. В. Стапкевич 1946 г. и Д. И. Блифельда 1948 г.

² М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77.

Показательными в этом отношении являются прибрежная полустепная полоса Приднепровья (нижнее течение рек Десны, Сулы, Псла, Ворсклы) и полустепной район верховьев рек Сейма, Псла, Ворсклы и Северского Донца (см. карту, рис. 20).

В очерченных выше границах территории поселения размещены, как правило, близ водных бассейнов — по берегам рек и озер. Чаще всего они расположены по правым высоким берегам рек в точках, господствующих над окружающей территорией. Но они встречаются и в долинах рек, в болотистых малодоступных местах (Осмолово, Банище). Обычно поселения размещены группами от двух до четырех на расстоянии 3—5 км. одно от другого.

Подавляющее большинство известных нам раннеславянских поселений роменско-боршевского типа были полностью или частично укреплены. В первом случае остатки таких поселений дошли до нас в виде городищ, во втором — в виде городищ и прилегающих к ним селищ. На Левобережье можно указать лишь две-три точки (Авдеево, Ворожба, Чернечина), где культурные отложения поселений этой поры были обнаружены вне связи с укреплениями (городищами), хотя не исключена возможность, что и эти поселения в прошлом были укрепленными. Косвенным подтверждением этого положения служит то, что два из этих поселений (Авдеево и Ворожба) у местного населения и по сей день называются «городищами». Насколько нам известно, термин «городище» никогда не применяется к местам неукрепленных поселений. Повидимому, время и человеческая деятельность уничтожили следы бывших здесь когда-то укреплений, а старые названия дожили до наших дней.¹

Переходя к описанию внешнего вида дошедших до нас остатков раннеславянских поселений, сделаем одно небольшое, но весьма существенное примечание. Суть его сводится к следующему: несмотря на то, что в области Левобережья число известных древних поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры, довольно велико (более 60), число поселений, относящихся только к этой поре, совершенно ничтожно. Оказывается, что на многих (пожалуй, на большинстве) поселениях, возникших в этот период, жизнь протекала и в последующее время (X—XIII вв.). Довольно большая группа поселений, обитаемых в раннеславянский период, являются поселениями, возникшими в предшествующее (скифское) время. Таким образом, при исследовании внешнего вида раннеславянских поселений приходится иметь дело не столько с остатками поселений этой поры, сколько с памятниками скифского времени, приспособленными славянским населением, и раннеславянскими памятниками, использованными в последующую пору (X—XIII вв.), возможно, в какой-то мере подвергшимися перепланировке. Эти обстоятельства должны быть учтены.

Исходя из данных, относящихся к поселениям, возникшим лишь в раннеславянский период, можно утверждать, что места для поселений выбирались такие, которые можно было укрепить с наименьшей затратой сил. Это были останцы, или мысы высоких берегов рек, более или менее обособленные от плато, с хорошей естественной защитой в виде крутых, малодоступных склонов и возможностями наблюдения над широко расстилающейся у подножия местностью, или небольшие естественного происхождения всхолмленные участки, затерянные в долинах рек среди озер и непроходимых болот (рис. 1, а, б).

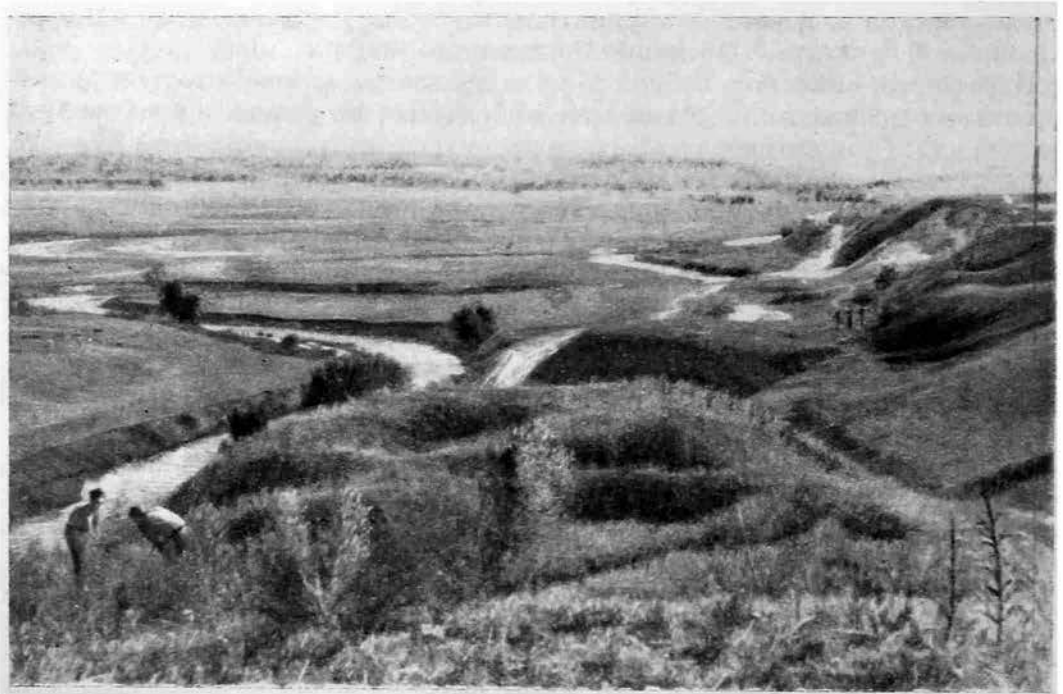
Естественная малодоступность таких мест усиливалась искусственными укреплениями в виде валов и рвов. Последние возводились лишь

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение III. М., 1857, стр. 513.

в местах, не имеющих хорошей естественной защиты, каковыми являлись преимущественно перешейки, соединяющие плато с мысами, и пологие склоны к долинам рек. Это в достаточной мере подтверждается всеми известными нам городищами, возникшими в эту пору. Таковы городища Стрелица и Городок между сс Долгий Колодезь и Стригослы и Ново-

а

б

Рис 1.

а — городище Большое у с. Горналь. (Общий вид с юго-западной стороны); б — городище у с. Могрица. (Вид с площадки городища на долину р. Псел).

Троицкое на Псле; Опошнянское и Хотмыжское на Ворскле; Скоробогатовское на Суле; Донецкое на Удах. Из этих искусственно возводимых оборонительных сооружений, судя по характеру дошедших до нас остатков, повидимому, большую роль играли рвы, достигающие пяти-шестиметровой глубины, чем валы. Последние в большинстве случаев дошли

до нас в весьма невыразительном виде и напоминают скорее просто выбросы земли из рвов, чем специально сооруженные валы. К сожалению, мы не располагаем раскопочными данными, которые могли бы подтвердить наши наблюдения над внешним видом этих сооружений. Все известные нам раскопки или зачистки валов поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры, относятся к многослойным поселениям, в силу чего нельзя быть уверенными в том, что дошедшие до нас валы отражают строительные приемы раннеславянской поры (городище Монастырище,¹ Гочевское, Донецкое²). Когда поселения размещались на останцах, отделенных от плато оврагами или глубокими седловинами,

Рис. 2. Донецкое городище у с. Карачевки. (Вид с северо-запада).

валы и рвы совсем не сооружались. В таких случаях естественная малодоступность площадки останца усиливалась путем придачи склонам большей крутизны. С этой целью пологие склоны останца в верхней части зачищались отвесно на высоту 7—10 м. Общее впечатление от раннеславянских поселений таково, что это не столько укрепления в собственном смысле этого слова, сколько естественно укрепленные малодоступные площадки, превращенные с минимальной затратой сил в неприступные для врага места поселений (рис. 2). По форме укрепленные части поселений всецело определяются конфигурацией площадок занимаемых ими мысов и останцов. Размеры их большей частью не велики.

Как уже отмечалось выше, основная масса раннеславянских поселений роменско-боршевского типа состояла из двух частей — укреплений (городищ) и открытых поселков (селищ). Последние располагались с напольной стороны непосредственно у стен. Известны случаи, когда неукрепленные поселки располагались не на плато, а у подножия коренного

¹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 55—68.

² В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII АС. Донецкое городище. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. — Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 19.

берега, но они немногочисленны (например Скоробогатки на Суле). Размер неукрепленной части поселения, как правило, значительно превосходит размер укрепленной площадки.

Изложенные соображения о внешнем облике раннеславянских поселений на Левобережье основываются на материалах поселений, возникновение которых как укрепленных пунктов относится к этому же (раннеславянскому) периоду. Насколько подмеченные нами черты являются не случайными, а характерными особенностями раннеславянских поселений, подтверждают материалы и других групп поселений, заселенных в раннеславянский период, таких, которые были обитаемы в предшествующий скифский или в последующий славяно-русский (X—XIII вв.) периоды.

Рассмотрим сначала группу поселений с отложениями раннеславянской культуры, возникших в предшествующий (скифский) период. Посмотрим, какого рода поселения скифского времени были освоены славянами. В одной из наших работ¹ мы уже отмечали, что от скифского периода до нас дошло значительное число поселений, весьма разнообразных по внешнему виду. Среди них есть неукрепленные (селища), укрепленные (городища) и сложные, состоящие из двух частей — укрепленной и неукрепленной. Большое разнообразие наблюдается в характере укрепленных поселений как по форме и типу укрепления, так и по размерам укрепленной площади. При классификации укрепленных поселений по внешним признакам их можно разбить на две большие группы — 1) городища с замкнутыми валами и 2) городища мысовые, огражденные валом с напольной стороны. Городища этих групп по характеру внутренней планировки распадаются на две подгруппы: а) простые и б) сложные. Первые характеризуются целостностью огороженной площадки, вторые — ее расчлененностью. Изучение материалов этих поселений показывает, что из числа поселений скифской поры в раннеславянский период были обитаемы лишь укрепленные поселения второй группы, т. е. такие, которые были искусственно ограждены лишь с напольной стороны (мысовые). Из этой группы наиболее полно освоенными оказались небольшие по размерам городища, расположенные на мысах высоких берегов, защищенные с напольной стороны валом и рвом незначительной (от 20 до 50 м) протяженностью; как правило, они имеют нерасчлененную укрепленную площадку. По сути дела эти укрепленные поселения (городища) по своему местоположению и характеру оборонительных сооружений ничем не отличаются от раннеславянских укрепленных поселений. У них лишь ярче выражен вал (см. городища у сс. Ховзовка, Горки и др.) (рис. 3). Из известных нам поселений этого типа в раннеславянский период незанятыми оказались лишь поселения, расположенные вдали от рек (Ст. Гончары, Линово).² Поселения этой же группы, имеющие большую огороженную площадку и оборонительную линию большей протяженности, в раннеславянский период были обитаемы не все, а лишь относящиеся ко второй подгруппе, т. е. имеющие расчлененную площадку. Членение это достигалось при помощи дополнительных валов, возводимых внутри укрепленного поселения. Благодаря этому на территориях больших укрепленных поселений возникали внутренние укрепления, напоминающие собой небольшие укрепленные поселения скифского времени (типа описанных нами выше) или собственно раннеславянские укрепленные поселения, т. е. такие,

¹ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепропетровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950, стр. 41—65.

² Там же.

которые полностью соответствовали типу укрепленного поселения, возводимого самим раннеславянским населением до X в.

Когда и кто сооружал эти внутренние оборонительные линии городищ, а тем самым и небольшие укрепления внутри поселений, сказать сейчас, впредь до тщательного изучения их путем раскопок, не представляется возможным. Отдельные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, лишь в какой-то мере освещают этот вопрос, не давая на него полного ответа. Так, на Гочевском городище большой внешний вал в центральной части на линии протяженностью около 150 м был полностью разрушен в славянское время, о чем довольно убедительно свидетельствует курганный могильник, расположенный на линии вала, в то время как внутренние валы, ограждающие площадки небольших мысов («Крутой Курган» и «Царский Дворец»), прекрасно сохранились до наших дней¹ (рис. 4). Изучение культурного слоя площадки показывает, что территория в гра-

Рис. 3. Городище у с. Ховзовки. (Общий вид городища с северо-востока).

ницах большого вала была обитаема и в славянский период, но, по-видимому, это был уже неукрепленный поселок близ двух небольших укреплений — «Крутого Кургана» и «Царского Дворца».

Таких сложных поселений, в основании которых лежит слой скифского времени, а выше слой славянской культуры, до нас дошло значительное число как на Левобережье, так и в других районах лесостепи. Многие из этих поселений длительное время считались, а некоторые и сейчас считаются чисто славянскими поселениями, поскольку отложения этой культуры, залегающие в верхних горизонтах, выступали настолько ярко, что совершенно затушевывали остатки скифского времени. Таковы — Гочевское городище близ Обояни на Псле,² городище в с. Хорошево на р. Уды и др.³ За пределами Левобережья укажем Голышевское городище на Дону.⁴ Наличие у этого типа укрепленных поселений сложной системы оборонительных сооружений (2—3 линии) некоторые исследователи объясняют как результат расширения территории

¹ Атлас Гочевских древностей, табл. I (план Гочевского городища Обоянского уезда Курской губ.).

² Б. А. Рыбаков. *Анты и Киевская Русь*, стр. 319—337.

³ В. Е. Данилевич. *Донецкое и Хорошевское городища*. Сборн. Харьковского историко-филолог. общ., т. 13, Харьков, 1902.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. *Древнерусские поселения на Дону*, стр. 7—9.

поселения, вызываемого численным ростом славянского населения укрепленного поселка.¹ Приведенные нами факты не подтверждают этого положения.

Наряду с поселениями, имеющими члененную площадку, от скифского времени до нас дошло значительное число таких же больших, огражденных валом и рвом с напольной стороны, городищ, не имеющих внутреннего членения. Как правило, площадки этих городищ не включают мысообразных, естественно укрепленных участков, которые можно было бы с помощью дополнительных валов выделить в самостоятельные укрепленные пункты (Грашков, Б. Гомольша, Борисовка, Высокое, Ворожба, Кнышевка, М. Вязовик и некоторые другие) (рис. 5). На

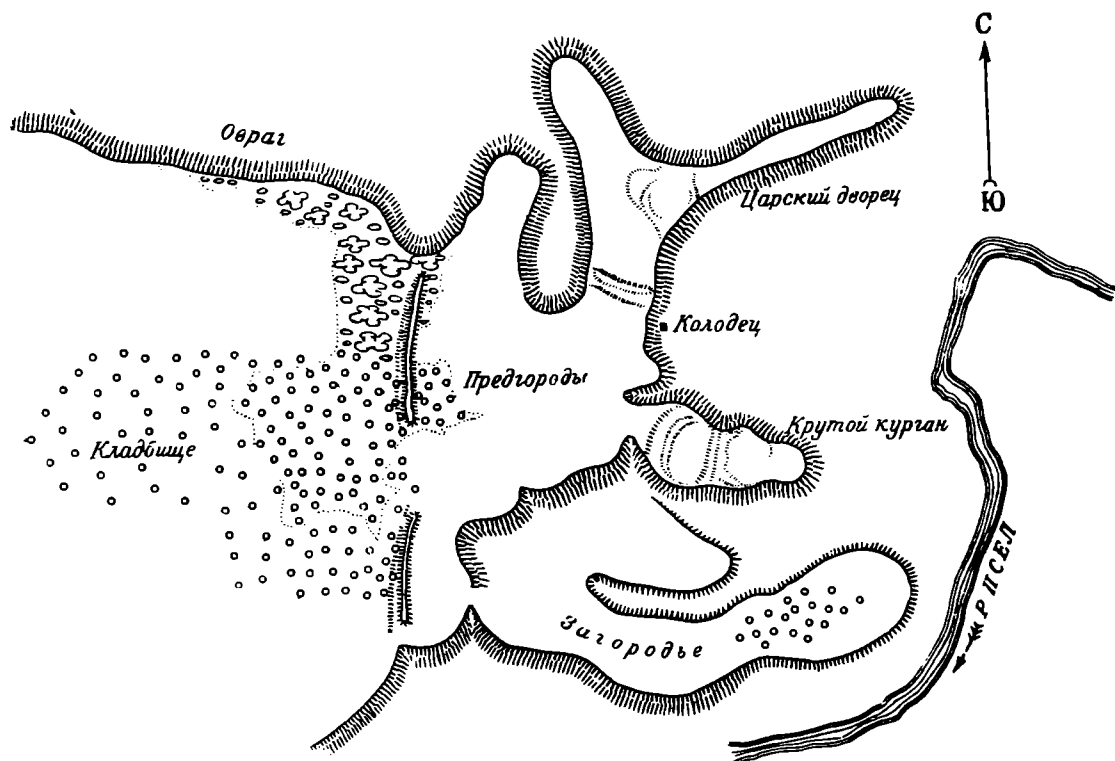

Рис. 4. План городища у с. Гочева. (По К. П. Сосновскому).

этих поселениях отложений славянской культуры до сего времени нигде не обнаружено. Естественно встают вопросы: в каком отношении находится раннеславянское население к небольшим укрепленным поселениям, находящимся в границах больших укрепленных поселений скифского времени? Были ли сооружены эти небольшие укрепления славянским населением или же они были сооружены населением скифского времени, а славяне воспользовались ими как местами, вполне отвечающими их запросам? Ответить на эти весьма важные вопросы можно будет лишь после проведения больших раскопочных работ.

Интересный материал, освещающий некоторые стороны этого вопроса, дают также полевые наблюдения. Выше мы отмечали, что раннеславянские поселения размещены группами по три-четыре. Расстояние между ними 4—5 км, а иногда и менее. В границах таких гнезд очень часто, наряду с укрепленными поселениями, сооруженными славянским населе-

¹ Там же, стр. 9. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948. стр. 172.

нием, встречаются и большие укрепленные поселения скифской поры. И что же мы здесь видим? Если поселение скифского времени в границах укрепления имеет небольшой, естественно хорошо укрепленный участок, то он, как правило, огражден дополнительно валом и рвом, а в культурных отложениях этого поселения обнаруживается славянский слой [Гочево, Долгий Колодезь (урочище Наволочки), Водяное, Хорошево и др.] (рис. 6). В случаях, когда в границах такой группы славянских городищ большие городища скифской поры не имеют таких естественно хорошо укрепленных участков, внутренних дополнительных укреплений не ока-

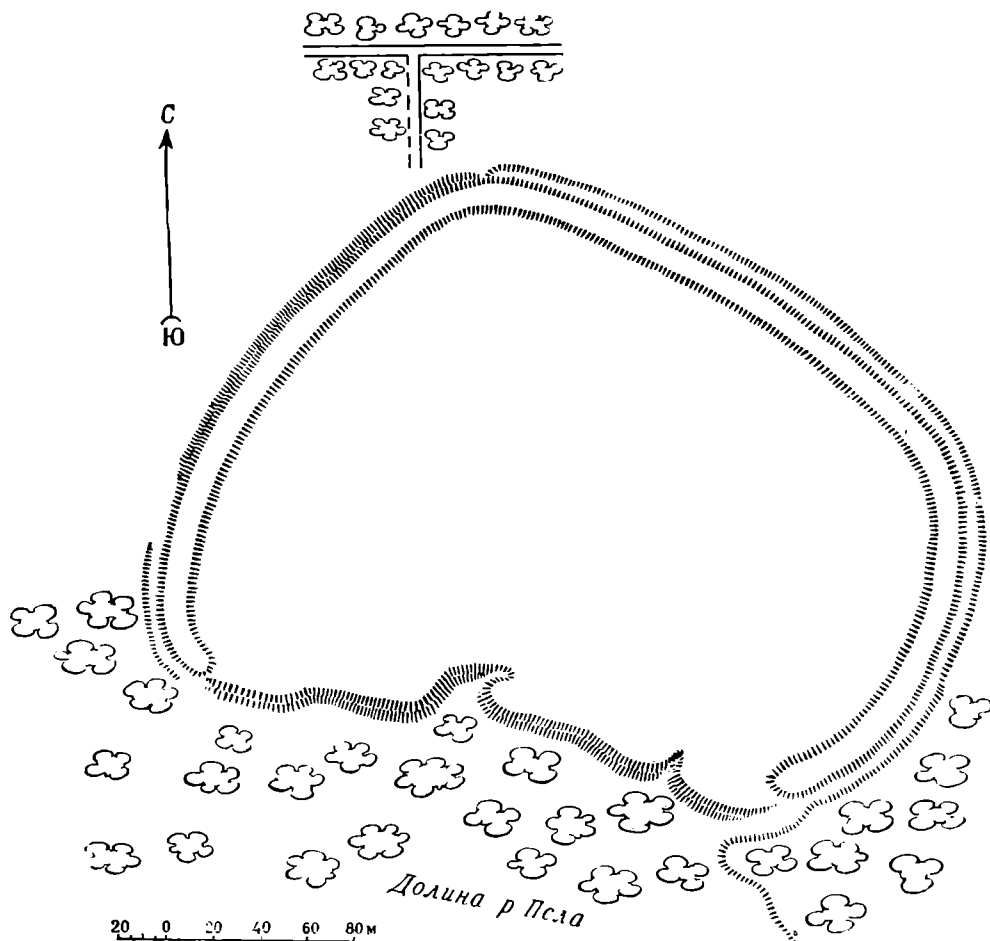

Рис. 5. План городища скифского времени у с. Кнышевки.

зывается, а в составе культурных отложений их нет славянского слоя. В таких случаях славянские поселения размещаются буквально в сотнях метров от поселений скифского времени на небольших естественно хорошо укрепленных мысах, где заново возводится укрепление, около которого размещается открытый поселок, а большое укрепленное поселение скифского времени славянами не заселяется. Такая картина наблюдается в районе сс. Кнышевка (на Псле), Ворожба (на Псле), Хотмыжск (на Ворскле) и в ряде других мест (рис. 5, 7, 8).

Приведенные данные показывают, что славянское население в области Левобережья использовало не все укрепленные поселения предшествующего (скифского) периода, а лишь те, которые по своему местонахождению, размерам укрепленной территории, а также характеру оборонительных сооружений соответствовали укреплениям, сооружаемым самим славянским населением.

Отмеченные выше характерные черты раннеславянских поселений находят подтверждение и в многочисленных поселениях, возникших в раннеславянский период и продолжавших существовать в XI—XIII вв., укрепленная часть которых не претерпела изменений (городища Хотмыжское, Хорошевское, Скоробогатское, Донецкое и многие другие).

Таким образом, все рассмотренные нами поселения, содержащие отложения славянской культуры (возникли ли они в этот или пред-

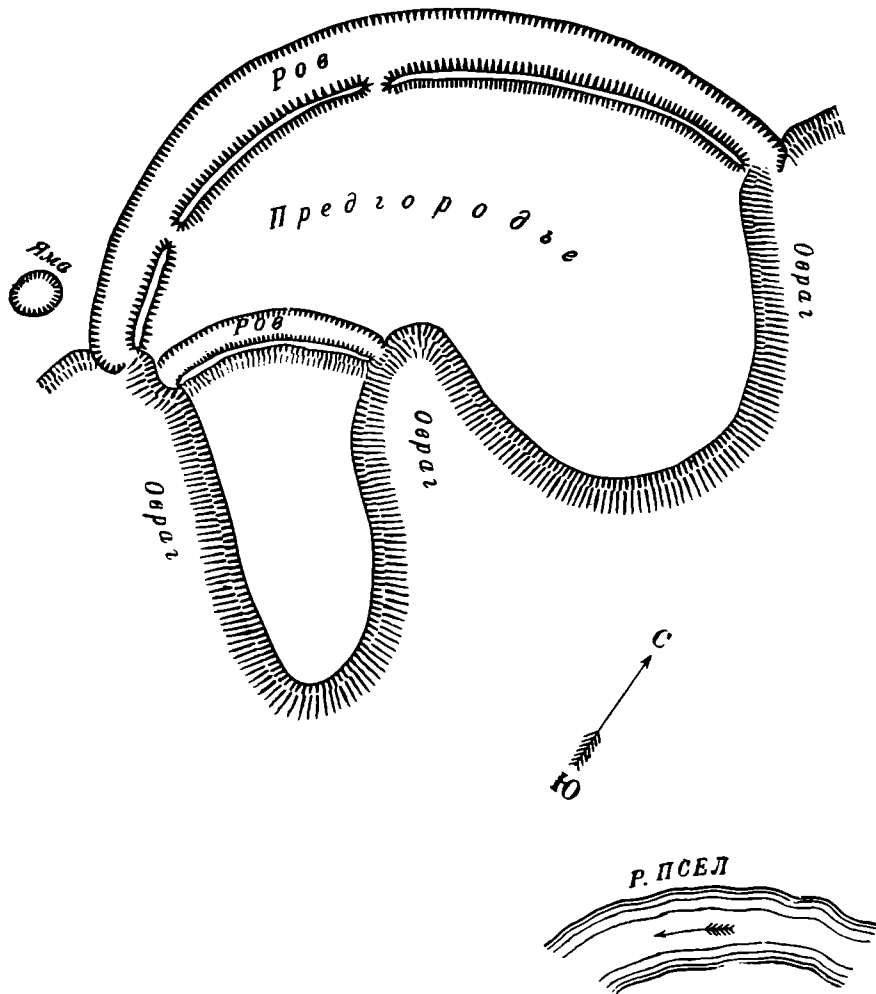

Рис. 6. План городища скифского времени, освоенного славянами; урочище Наволочки близ с. Долгий Колодезь. (По К. П. Сосновскому).

шествующий периоды и закончили свое существование в пределах до X в. или в последующие века), в полной мере подтверждают наблюдения и выводы в отношении внешнего облика раннеславянских поселений (местоположение, система укрепления, соотношение между укрепленной и неукрепленной частями и т. д.), сделанные нами выше на основе данных, относящихся только к собственно раннеславянской поре. Это дает основание утверждать наличие у левобережного славянского населения этого времени хорошо выработанного устойчивого типа поселения, существенно отличающегося от поселений предшествующей поры (первой половины I тысячелетия), известных нам на той же территории.¹

¹ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 10 сл.

Если в отношении выявления раннеславянских поселений и изучения их внешнего облика в области Днепровского лесостепного Левобережья в последние годы была проделана значительная работа, то в деле исследования их внутреннего содержания — следует прямо сказать — сделано совсем мало. Достаточно указать хотя бы на то, что до сего времени не произведено ни одних мало-мальски серьезных раскопок поселений этой поры. Небольшие по объему, методически не совсем хорошо поставлен-

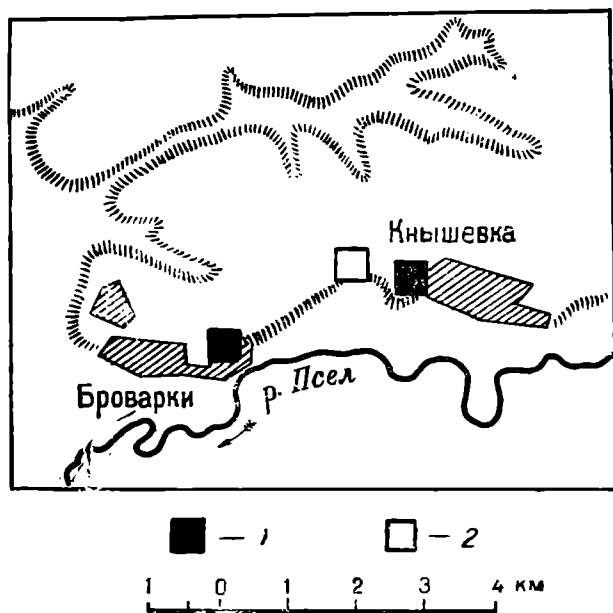
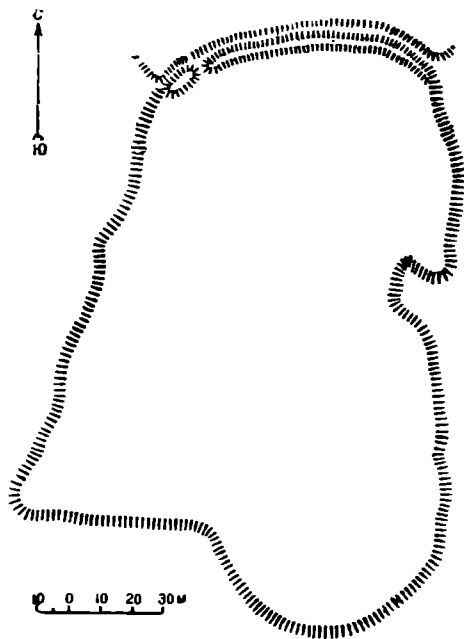

Рис. 7. Размещение древних поселений у сел Кнышевки — Броварки.

1 — славянские поселения; 2 — поселения скифского времени.

Долина р. Псел

Рис. 8. План славянского городища у с. Кнышевки.

ные, к тому же опубликованные лишь частично, раскопки Н. Е. Макаренко в начале XX в. на городище Монастырище, — пожалуй, наиболее существенное из всего того, что сделано в этом отношении.¹ Неслучайно все исследователи, касаясь славянских памятников VIII—X вв. в области Левобережья, до сего дня опираются в первую очередь на эти материалы,² ибо все последующие раскопочные работы, проведенные на поселениях этой группы как тем же Н. Е. Макаренко, так и другими исследователями, дали еще меньше, чем раскопки на Монастырище, да их и не много.³

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22.

² Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 70 сл. — П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6, М.—Л., 1941, стр. 32—33. — Он же. Восточнославянские племена, стр. 133.

³ Мы исключаем работы, не имеющие отношения к исследуемой нами территории, например крупные раскопки на поселениях близ г. Воронежа — Боршево, Кузнецова Дача и др. См.: П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.

В 1906 г. одновременно с раскопками на городище Монастырище и в последующие годы Н. Е. Макаренко были произведены разведочные раскопки на поселениях у сс. Медвежье, Шумск (б. имение Вашкевича), в г. Глинске (Замчище) и в ряде других пунктов. Материалы, опубликованные автором раскопок, а также и отчеты весьма кратки и не дают ясного представления об исследованных памятниках.¹ Раскопочные работы других исследователей носили также разведочный характер. Таковы исследования Б. А. Рыбакова на Гочевском городище (р. Псел),² раскопки П. Н. Третьякова на Петровском городище (р. Ворскла),³ раскопки И. И. Ляпушкина на Опошнянском городище⁴ и на поселении в г. Полтаве⁵ (р. Ворскла). К этому следует добавить еще и то, что не все результаты этих немногочисленных работ вошли в научный оборот: до сего времени не опубликованы материалы раскопок Б. А. Рыбакова на Гочевском городище.⁶

Однако наиболее слабым местом в исследовании раннеславянских поселений является то, что все раскопки, за исключением одного случая, были произведены на многослойных поселениях, а следовательно, и добытые на них материалы относятся к различным эпохам, не только к раннеславянской, как об этом иногда думают. Так, городище Монастырище считается типичным примером поселений роменско-боршевского типа.⁷ В действительности оно не только не является таковым, а относится к числу поселений, культурно-хронологический облик которых более чем сложный: наряду с раннеславянскими отложениями, городище содержит отложения эпохи бронзы, скифского времени и славяно-русской культуры (X—XIII вв.). Такое неверное представление о характере памятника сложилось в результате того, что материалы, добытые на поселении, не были опубликованы полностью. Н. Е. Макаренко совершенно изъясил из публикации многочисленные остатки керамической посуды скифской поры (зольничного типа), что видно как по материалам, хранящимся в фондах Роменского краеведческого музея,⁸ так и по некоторым данным фотоархива ИИМК.⁹

Как известно, помимо общих работ, посвященных роменским памятникам, Н. Е. Макаренко керамическому производству посвятил специальную работу.¹⁰ В этой работе, наряду с керамикой собственно раннеславянской, он публикует и керамические остатки эпохи бронзы, но материалы скифского времени отсутствуют и здесь, хотя они количественно превосходят остатки эпохи бронзы.

Правда, некоторые данные о наличии на Монастырище слоя скифского времени опубликованы и Н. Е. Макаренко, но он в них не разо-

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях... ИАК, вып. 19. — М. Макаренко. Городище Монастирище. — ОАК за 1906 г., СПб., 1909, стр. 112—113. — ОАК за 1912 г., Пгр., 1916, стр. 68—70.

² Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 143.

³ П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, I, Киев, 1947.

⁴ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, вып. XII.

⁵ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Киев, 1949.

⁶ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. . . , стр. 322. — Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 73 (прим.).

⁷ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 70 сл.

⁸ См. коллекции Роменского музея: городище Монастырище, раскопки 1924 г., планш. 22 (№№ 262—276) и 23 (№№ 358—368).

⁹ Фотоархив ИИМК, фонд Археологической комиссии, № 6122.

¹⁰ М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів. . .

брался. Мы имеем в виду изданную Н. Е. Макаренко ножку античной амфоры, обработанную по линии излома и использованную для каких-то хозяйственных надобностей, принятую им за «глиняную поделку тщательной обработки в форме грибка с небольшим углублением сверху»¹ (рис. 9).

Отложения эпохи бронзы, повидимому, занимают существенное место в культурном слое городища, о чем можно судить как по остаткам кострища с стоявшим на нем сосудом, аналогии которому автор раскопок ищет в находках Ловического уезда Варшавской губ., так и по отдельным фрагментам, встречаемым на всей площади.² Исследования последних лет показали, что керамика этого типа в лесостепной полосе имеет широкое распространение в эпоху поздней бронзы. Она встречается на всем пространстве Левобережья от Днепра до Донца.³ Известна она и по верхнему течению Дона (окрестности Воронежа).⁴

Рис. 9. Фрагмент (ножка) античной амфоры — городище Монастырище. (По Н. Е. Макаренко).

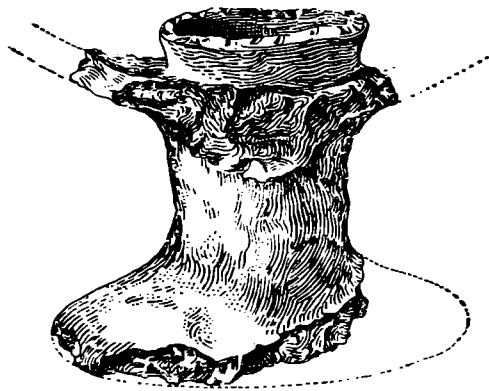

Рис. 10. Светильник киевского типа — городище Монастырище. (По Н. Е. Макаренко).

О наличии славянского слоя X—XI вв. свидетельствуют материалы, опубликованные Н. Е. Макаренко, хотя и не все им поняты. К числу последних принадлежит «обломок ножки от вазы, грубо обработанной из красной глины», представляющий собой не что иное, как обломок (ножку) светильника так называемого киевского типа⁵ (рис. 10). Типичными вещами великокняжеской поры являются найденные на Монастырище пряслица из розового (овручского) шифера, обломки глиняной посуды с линейным и волнистым орнаментом.⁶ Повидимому, далеко не все землянки, открытые Н. Е. Макаренко, относятся к раннеславянскому периоду, как мы покажем ниже.

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 68, рис. 40.

² Там же, стр. 59—60. — М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 16—19.

³ Во время разведочных работ Левобережной экспедиции керамика этого типа была обнаружена на ряде стоянок по р. Пслу (Гусаны, Суки), Супою (Новая Гребля) и др.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 44.

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . , ИАК, вып. 22, стр. 58—59, рис. 29. — См.: М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 26, рис. 13 и 14.

⁶ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . , ИАК, вып. 22, стр. 58, 67 и др.

Несомненно, такая же картина имеет место на городище у с. Медвежье.¹ Раннеславянский слой городища г. Глинска сильно разрушен сооружениями последующего периода и перемешан с культурными отложениями более поздней поры.² В состав раннеславянских отложений Донецкого городища врезались отложения X—XIII вв.³ и т. д. Из всех раскопанных поселений лишь Опошнянское городище представляет однослойный памятник, собственно раннеславянское поселение, возникшее, повидимому, в VIII в. на малодоступном останце правого коренного берега р. Ворсклы на расстоянии не более 1 км от укрепленного поселения скифского времени (Кардашев Вал). К сожалению, объем раскопочных работ, произведенных на нем, невелик (вскрытая площадь не превышает 100 кв. м). Тем не менее, раскопки дали возможность выявить и общий облик культурного слоя, и характер жилищно-хозяйственных сооружений, и некоторый бытовой инвентарь, а также состав домашнего стада и диких животных, используемых населением.

Основываясь на этих данных, а также на данных из раскопок других поселений, содержащих отложения раннеславянской культуры (таких, как Монастырище, Медвежье, Вашкевича, Петровское, Полтавское и др.), попытаемся в меру наших сил охарактеризовать внутреннее содержание этих памятников.

3

Одной из особенностей раннеславянских поселений роменско-боршевского типа лесостепной полосы и в том числе Днепровского Левобережья является полуземляночный тип жилища, резко отличающийся от деревянных срубных жилищ северной лесной полосы как по своим конструктивным особенностям, так и по размерам. От этих жилищ до нас дошли их нижние части, углубленные в землю в виде прямоугольных в плане ям, размером от 3×4 до 4×5 м и глубиной от 0.5 до 1 м⁴ (рис. 11). Жилища чаще всего ориентированы по линии СВ—ЮЗ с большим или меньшим отклонением в сторону севера или юга.

Полуземлянки городища Монастырища, опубликованные Н. Е. Макаренко в ИАК, в отношении ориентации как будто расходятся с данными других поселений.⁵ Однако изучение материалов показывает, что это не так. Сравнивая описательную часть с рисунками, мы находим, что автор противоречит сам себе. В описании он указывает, что городище «расположено по длине с СЗ на ЮВ; с северо-западной стороны обнесено ровом. . .», на плане же городище вытянуто по оси восток—запад, а ров — не с СЗ, а с западной стороны.⁶ Если мы ориентируем план в соответствии с описанием, тогда жилища займут по отношению к сторонам

¹ Там же, стр. 73—74. См. также коллекции Роменского музея, планшет 11, №№ 135—146, 1920 г.

² ОАК за 1912 г., стр. 68—71.

³ В. А. Городцов. Результаты исследований, производимых научными экспедициями XII АС. — Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . ИАК, вып. 19.

⁴ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . ИАК, вып. 22, стр. 55—68. — М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 9—14 (отд. оттиск). — И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст., стр. 118—20. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, стр. 129 и сл. — И. Ляпушкин. Старословянське поселення VIII—XIII ст., стр. 65 сл.

⁵ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . ИАК, вып. 22, стр. 61, рис. 33 и 34.

⁶ Там же, стр. 55 и рис. 25.

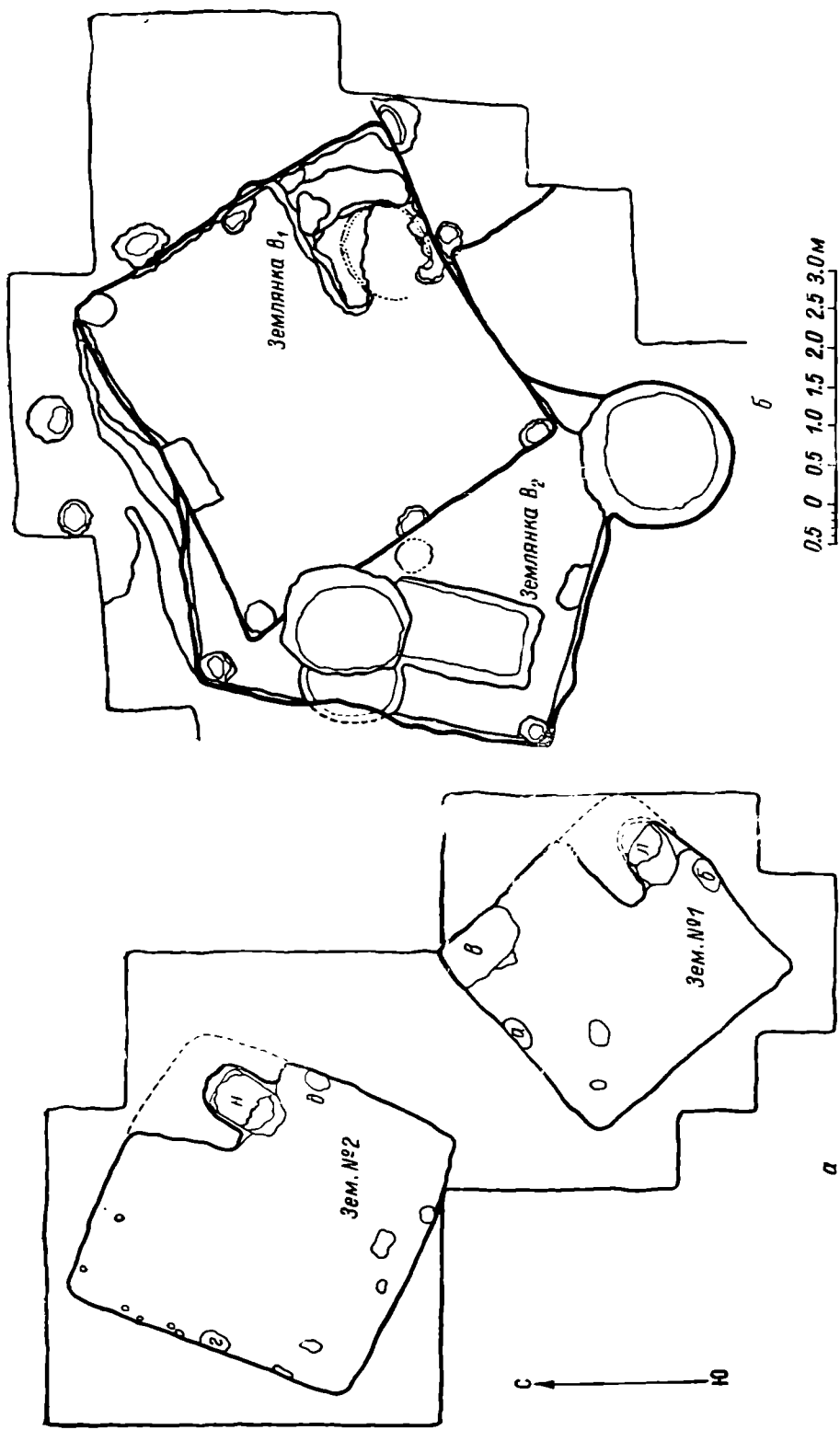

Рис. 11. Планы раннеславянских жилищ.

а — городище в с. Опшни; б — поселение в г. Полтаве.

света то положение, какое они занимают на других поселениях.¹ Именно в этом положении дал их и сам Н. Е. Макаренко в другой, более поздней работе.²

Как правило, эти ямы выкапывались в материковом (по преимуществу глинистом) слое. В случаях, когда раннеславянские поселения размещались на развалинах поселений предшествующей поры, углубленные части жилищ в какой-то мере захватывали и культурный слой. Такая картина наблюдается на Полтавском поселении.³ Повидимому, то же имеет место и на поселении Монастырище, где, судя по отчету автора раскопок, «границы землянок возможно было проследить, хотя и с трудом, уже не сколько выше» глинисто-песчанистого материка, т. е. в отложениях культурного слоя.⁴ Стенки ям отвесны. Трудно сказать, имели ли они какую-

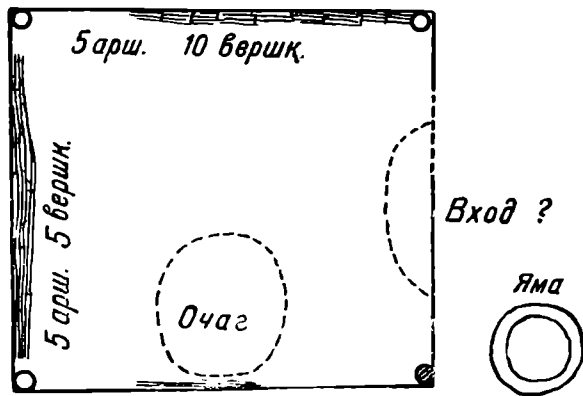

Рис. 12. План жилища Донецкого городища.
(По В. А. Городцову).

либо облицовку. В жилищах городища Монастырище Н. Е. Макаренко облицовки не нашёл.⁵ Нет ее, как будто, и на Петровском городище.⁶ На Полтавском поселении на полу жилища *В*₁ вдоль северо-восточной стены были обнаружены куски сильно истлевшего дерева, а по нижней кромке этой стенки был прослежен отпечаток плахи. Очень хорошо сохранились остатки бревенчатой облицовки в жилищах, исследованных участниками научной экспедиции XII археологического съезда на городищах Донецком и Ницахском,⁷ древнейшие слои которых относятся к исследуемой нами поре. По внешнему виду это были также полуземляночные жилища. Каркас их составляли четыре угловых столба, которые служили опорой как для крыши, так и для облицовочных бревен или плах, забранных, повидимому, в пазы (рис. 12). Судя по материалам, обнаруженным в заполнении жилищ (особенно тем, которые найдены на полу), а также по конструкции печей, жилища должны быть отнесены ко времени после X в.⁸ Тем не менее, пройти мимо них нельзя, ибо они, в какой-то мере отражая традиции домостроительства предшествующей поры — VIII—X вв., дают возможность восстановить его.

В полу жилищ хорошо прослеживаются небольшие ямки от столбов. Они расположены вдоль стен (преимущественно на середине) и в углах. Диаметр ямок от 0.20 до 0.40 м при такой же глубине. Число их

¹ Там же, стр. 61, рис. 33.

² М. Макаренко. Городище Монастырище. стр. 3, рис. 1.

³ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. , стр. 65.

⁴ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22, стр. 60. — М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 9.

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 65.

⁶ Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. , стр. 129—139.

⁷ В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда, I. Донецкое городище. II. Ницахское городище и курганы. Тр. XII АС, т. I, стр. 110—130.

⁸ Там же, стр. 111—116; 121—124. — Ср.: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 20—26.

колеблется от 2 до 8;¹ это дает основание говорить о том, что наземная часть и перекрытие жилищ были не везде одинаковы: в одних случаях крыша могла быть только двускатной (о чем красноречиво говорят, например, материалы Опшмянского городища),² в других — и двускатная и горизонтальная,³ в третьих, повидимому, односкатная.⁴

Иногда в полу жилища встречаются так называемые хозяйственные ямы. Как правило, ямы эти небольшие. Расположены они в углах или близ печей.⁵ На Монастырище в одной полуземлянке «хозяйственные» ямы обнаружены в центральной части пола, причем в таком количестве и таких размеров, что из-за них «полезной жилой площади» по сути дела и не осталось.⁶ Здравый смысл подсказывает, что принять эту полуземлянку за жилое помещение едва ли возможно. Н. Е. Макаренко отмечает, что «ямы этой землянки были вызваны к жизни явно техническими потребностями того производства, для которого была сделана вся землянка». Этим производством он считает гончарное ремесло.⁷ Повидимому, автор раскопок прав, иначе принадлежность всех этих ям данной полуземлянке маловероятна. В последнем случае часть их, скорее всего, относится или к предшествующей, или последующей поре жизни на поселении. Подобные примеры в археологической практике хорошо известны. Например, на Полтавском поселении в полу жилища В₁, относящегося к раннеславянскому периоду жизни поселения, были обнаружены остатки двух ям предшествующей скифской поры, занимающие почти половину жилой площади.⁸ Судя по всем данным, хозяйственные ямы — погребка в раннеславянский период чаще выкапывались не в жилом помещении, а за его пределами. Это подтверждается материалами Петровского, Полтавского и других городищ. Форма их более или менее единообразна. Это округлые в плане, колоколовидные ямы: верхний диаметр их несколько меньше, чем нижний. Дно ям ровное, хорошо зачищенное, как и их стенки. Размер ям различный: верхний диаметр от 0.40 до 1.30—1.40 м, нижний от 0.70 до 2.00 м при глубине от 0.50 до 2 м. Заполнение ям состоит из культурного слоя, содержащего большое количество всевозможных остатков. О назначении ям можно говорить лишь в общей форме: это были хозяйственные ямы — погребка. В одних из них хранились, повидимому, продукты — мясо, рыба и т. д., в других — зерно, третьи являлись кладовками.⁹

В ряде жилищ городища Монастырище Н. Е. Макаренко обнаружил вдоль стен своеобразные «прилавки» и «площадки», вырезанные из материка при сооружении жилищ. Они возвышались над полом на 0.35—0.40 м при ширине от 0.35 м до 2 м.¹⁰ О назначении их судить трудно.

¹ М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 10 и сл. — И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян. . . , стр. 119—120. — П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , 131.

² И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 129—131.

³ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 129—130. — И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. . . , стр. 65—66.

⁴ М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 10.

⁵ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 119—120.

⁶ М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 13—14.

⁷ Там же, стр. 14.

⁸ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. . . , стр. 67 сл.

⁹ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 130—132.

¹⁰ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . , стр. 10—11.

Существует мнение, что «прилавки» и «площадки» использовались «для сиденья и лежания».¹ П. Н. Третьяков называет их вторым ярусом пола.²

Непеременной частью жилищ является печь. Она помещалась в одном из его углов. Преимущественно это был восточный или северный угол. Бóльшая часть известных нам печей были глинобитные, причем основание, под и нижняя часть свода вырезались из материка одновременно с сооружением нижней части жилищ. Основание печей в плане прямоуголь-

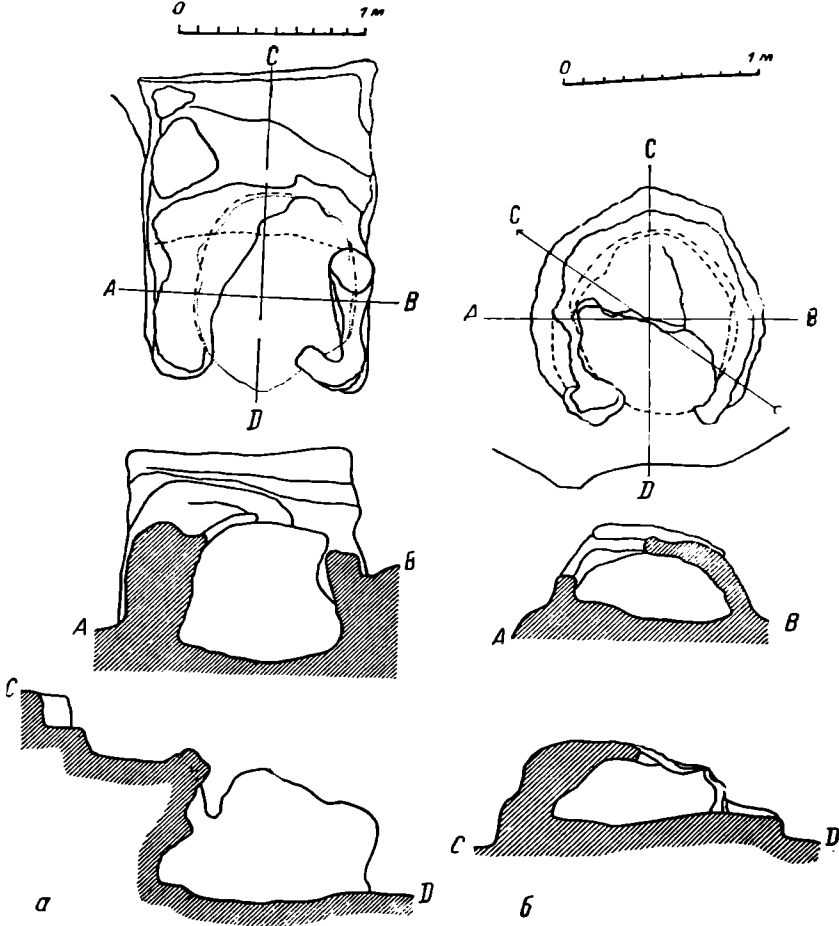

Рис. 13. Планы и разрезы печей.

а — из жилища В₁; б — из жилища В₂. (Полтавское поселение).

ное, а под овальный. Судя по дошедшим до нас целым и мало разрушенным печам, они имели кубовидную форму (рис. 13, а). Внутренняя часть свода была куполообразная, несколько вытянута по продольной оси.³ На городище Монастырище, наряду с печами, близкими по планировке к вышеописанным, Н. Е. Макаренко обнаружил печи полусферической формы.⁴ В каком отношении друг к другу стоят эти два типа печей, ска-

¹ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 71.

² П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. . . , стр. 284—285.

³ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 119. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 129—131. — Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22, стр. 62—64. — М. Макаренко. Городище Монастырище. . . , стр. 12—14. — И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. . . , стр. 65—67 и 74.

⁴ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22.

зять трудно. Не исключена возможность, что это различия хронологического порядка, ибо не следует забывать, что городище Монастырище — памятник многослойный. Это предположение подтверждается материалами ряда поселений, в том числе и Полтавского, на примере жилищ B_1 и B_2 . В жилище B_2 , сооруженном на развалинах жилища B_1 , явно относящегося к раннеславянской поре, была обнаружена полусферическая печь, в то время как в жилище B_1 печь имела кубовидную форму¹ (рис. 13, б; 14).

Печь располагалась внутри помещения челом. Дымоход устраивался в центральной части свода. Под чаше всего залегает на уровне пола или несколько ниже его. Как и свод, под глинобитный. Иногда в него вмазывались куски различных горных пород (Монастырище). Внутренняя часть печи (под и свод) всегда сильно обожжена и имеет яркочерный цвет.

Рис. 14. Печи жилищ B_1 и B_2 . Общий вид. (Полтавское поселение).

Остатки полуземляночных жилищ на всех исследованных или обследованных поселениях сверху перекрыты культурными отложениями. На поселениях однослойных, поверхность которых не подвергалась обработке или не была застроена, места жилищ выступают в виде ямок-западинок с диаметром около 3—4 м.

Такие ямки встречены почти на всех известных однослойных поселениях — Куземин² и Опошня³ на Ворскле, Долгий Колодезь (урочище Стрелица)⁴ и Ново-Троицкое на Псле и других. Глубина ямок-западинок различная, в пределах до 0.5—0.6 м. В некоторых случаях ямки запылились настолько, что могут быть опознаны лишь по более яркой окраске растительного покрова.

Мощность культурного слоя раннеславянской поры большинства известных поселений незначительна. Она колеблется в пределах до 1 м. Только в местах жилищно-хозяйственных сооружений, углубленных в материк, она достигает 2 м и более.

Культурный слой имеет преимущественно темную окраску. Он сильно гумусирован. В составе слоя — зола, угли, куски обожженной глины,

¹ И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. , стр. 65 сл., рис. 9.

² П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. , стр. 128—129.

³ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. стр. 118.

⁴ К. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губ. Тр. Курск. губ. учен. архивн. комисс., выш. 1, Курск, 1911, стр. 308—309.

кости животных и рыб, обломки глиняной посуды, отдельные предметы из кости, металла, глины. Зола и глина часто залегают в виде линз.

Культурные остатки раннеславянских поселений немногочисленны и не ярки, все же многие из них в достаточной мере характерны, что придает вещевому комплексу в целом своеобразный облик. Крупное место среди этих остатков занимают изделия из глины, в первую очередь глиняная посуда. Грубая по качеству материала и выделки и простая по своим формам, она, тем не менее, настолько своеобразна, что легко выделяется из состава других керамических групп даже по незначительным обломкам.

Основным, наиболее широко распространенным типом являются горшкообразные сосуды. Эта форма свойственна кухонным сосудам и сосудам для хранения продуктов. Кухонные горшки составляют группу сосудов, наиболее часто встречаемых на поселениях. Профиль их более или менее однообразен. Большинство их имеет слегка отогнутый венчик, сидящий на невысокой, но ясно выраженной шейке, резко выступающие плечики и слегка выпуклый корпус, постепенно сходящий на конус. Дно уже, чем горло, высота несколько больше ширины корпуса; часть кухонных горшков имеет высокий стоячий венчик. По размерам кухонные горшки довольно разнообразны, высота их колеблется от 10 до 20 см и более¹ (рис. 15). Горшки изготовлялись из неотмученной глины с примесью крупнозернистой дресвы или шамота. Стенки их толстые, неровные и шероховатые. Качество обжига невысокое, о чем свидетельствует светлый цвет наружной части стенок, темных в изломе. Многие сосуды этой группы орнаментированы. Орнаментация их также проста, но довольно своеобразна. При помощи одного технического приема — отпечатков зубцов гребенки или палочки, обернутой веревочкой, — обитатели раннеславянских поселений наносили на сосуды самые разнообразные узоры: ломаную линию в один или два ряда, елочку, прямые и косые крестики, птичьи лапки, ромбики и другие фигуры.² Орнамент размещался на плечиках и по краю венчика сосудов, но последний все же чаще орнаментировался «щипками», или округлыми вдавлениями, произведенными концами пальцев. Последний вид орнаментации изредка встречается и на тулове горшков³ (рис. 16).

Наряду с охарактеризованным выше типом кухонных горшков встречаются лещные горшки и более высокой техники выработки, может быть, с частичной обработкой на круге, а также сделанные и на примитивном гончарном круге, из глины с незначительной примесью мелкозернистой дресвы или шамота. Стенки их более гладкие и значительно тоньше, они лучше обожжены. Цвет этих горшков преимущественно оранжево-красный. От горшков вышеописанного типа они отличаются менее резкой профилировкой, а иногда и орнаментацией. Сосуды этого типа орнаментируются не только отрисками гребенки или палочки, обмотанной веревочкой, но и многорядной круговой линией или волной.⁴ Эта орнаментация близка к орнаментации славянских горшков X—XI вв.

¹ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. стр. 121—124. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. стр. 136—138. — М. Макаренко. Городище Монастирище. стр. 15 сл.

² М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів. стр. 32. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 135—137 — И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення. стр. 62.

³ М. Макаренко. Городище Монастирище. стр. 329, табл. II, 12. — И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК. вып. XIX, 1948, стр. 36, рис. 8. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 135, табл. I.

⁴ М. Макаренко. Городище Монастирище. . . , стр. 14, рис. 4; стр. 20.

Несомненно, это сосуды переходного типа от ручной лепки к гончарному кругу. Не случайно на них орнаментация в виде отпечатков гребенки, применяемая на лепных сосудах, сочетается иногда с круговой линией и волной, характерной для гончарной посуды.¹

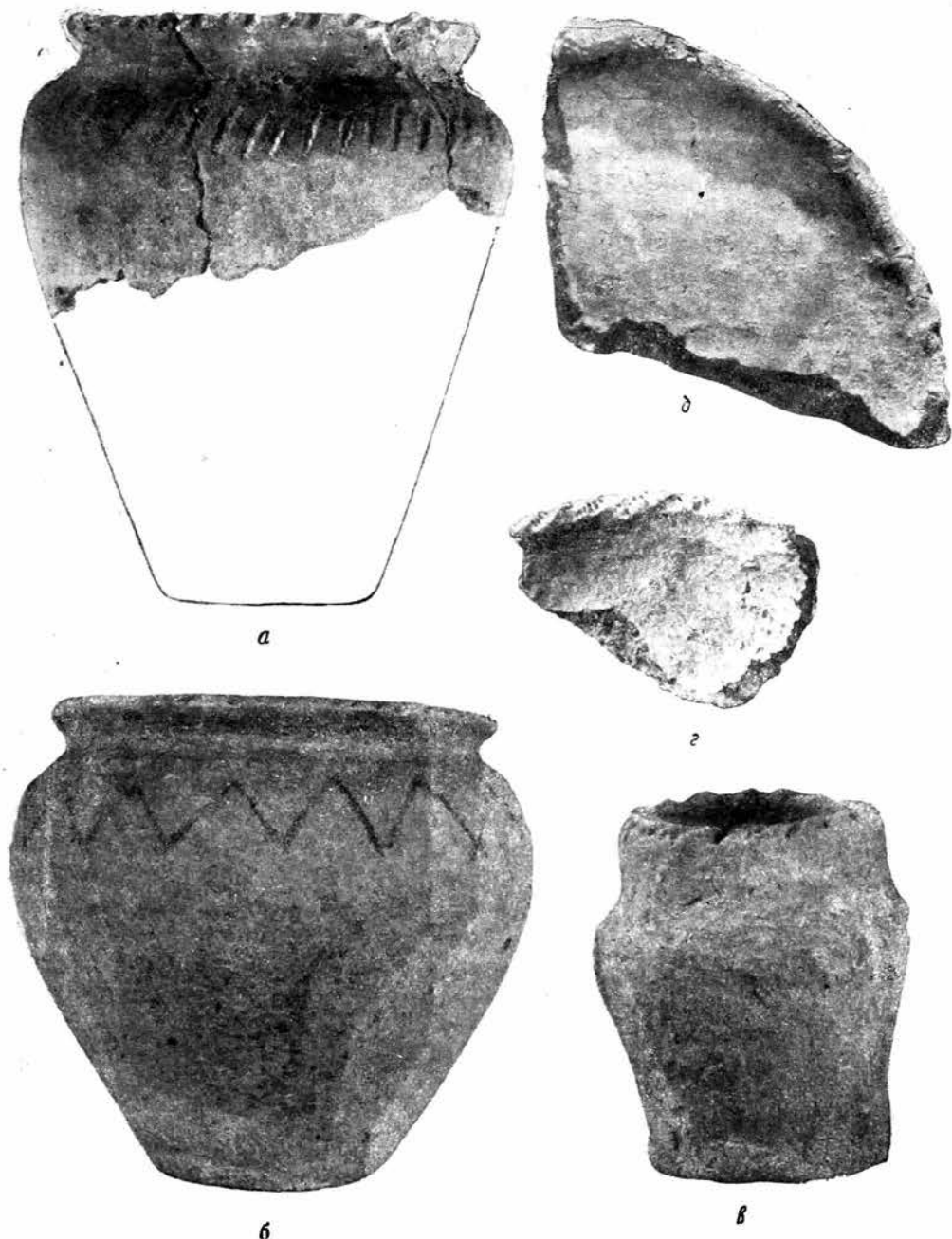

Рис. 15. Керамика раннеславянских поселений.

а — Полтавское поселение; б — Петровское поселение. (По П. Н. Третьякову);
 в — Опошнянское поселение; г — городище Вашкевича. (По Н. Макаренко);
 д — Гочевское городище. (Журский музей. Раскопки Б. А. Рыбакова).

Повидимому, материалы землянки-мастерской, обнаруженной Н. Е. Макаренко на городище Монастирище в раскопках 1924 г.,² отражают этот переходный момент в гончарном производстве. Выше уже

¹ М. Макаренко. Орнаментация керамических виробів. . . , табл. I, 4.

² М. Макаренко. Городище Монастирище. . . , стр. 13—14.

отмечалось, что землянка *B* не могла быть жилищем по характеру своего устройства (весь пол был изрыт ямами). Н. Е. Макаренко рассматривает ее как гончарную мастерскую. Это предположение находит подтверждение в ряде фактов. Автор раскопок отмечает сильную опаленность печи, а также наличие в золе значительного количества разных черепков. Н. Е. Макаренко не дает характеристики всего состава собранных им керамических остатков. Он публикует лишь несколько обломков, принадлежащих одному большому сосуду с волнистым и линейным орнаментом. Судя по публикации, сосуд этот был сделан на гончарном круге, правда, еще примитивном. Это подтверждает и автор в своей более поздней работе.¹ К сожалению, автор не говорит — были ли сосуды, к которым относятся найденные им в печи обломки, в употреблении или нет. Эти сведения в значительной мере помогли бы разобраться в вопросе: не была ли печь своеобразным гончарным горном для обжига посуды, на что в какой-то мере указывает подчеркнутая Макаренко сильная обожженность печи. На наличие в этом помещении примитивной гончарной мастерской указывает и то, что среди культурных остатков найдено большое количество глиняной массы, а также и глины в виде заготовок. Само расположение этой землянки почти вплотную к жилому помещению (землянке *B*) также в какой-то мере подсказывает мысль о служебном, а не самостоятельном назначении землянки *B*. Как бы, однако, ни решался вопрос о характере землянки *B*, сосуществование примитивной гончарной керамики с лепной на поселениях роменской группы не вызывает никаких сомнений.²

Сосуды для хранения продуктов отличаются от кухонных горшков прежде всего размерами. Имеются различия и в профилировке. Наряду с формами, повторяющими кухонные горшки, встречаются широкогорлые сосуды с небольшим диаметром дна, слабо выраженными плечиками и шейкой и конусообразным корпусом.³ Диаметр наиболее широкой части корпуса этих сосудов равняется их высоте или близок к ней. Сосуды этого типа, как правило, асимметричны и малоустойчивы (рис. 17). Возможно, для хранения продуктов использовался и другой тип крупных сосудов, отличающихся высоким стоячим венчиком, переходящим в хорошо выраженные плечики, и более широким (припухлым) туловом. Диаметр его в самой широкой части превышает высоту сосуда. Диаметр дна небольшой⁴ (рис. 17). Высота сосудов этой группы колеблется от 0.25 до 0.50 м. Большая часть их изготовлялась из плохо промешанной глины с примесью дресвы или шамота, вследствие чего стенки сосудов неровные и шероховатые.

Обжиг сосудов неравномерный. По технике изготовления и качеству глины из числа сосудов этой группы наиболее совершенны сосуды с вертикальным венчиком.

Вторым характерным типом сосудов славянских поселений роменско-боршевского типа являются глиняные тарелки-сковородки⁵ (рис. 15, *д* и *е*). Форма их довольно близка к современным сковородкам. Они имеют плоское дно, толщиной около 1.5—2 см. Диаметр их 10—25 см. Бортики

¹ М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів. . . , стр. 338.

² Там же.

³ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . стр. 121—123, рис. 56.

⁴ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. . . ИАК, вып. 22, стр. 56, рис. 27; стр. 70, рис. 41; стр. 72, рис. 43.

⁵ Там же, стр. 68, рис. 39. — И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. . . , стр. 122. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. . . , стр. 136.

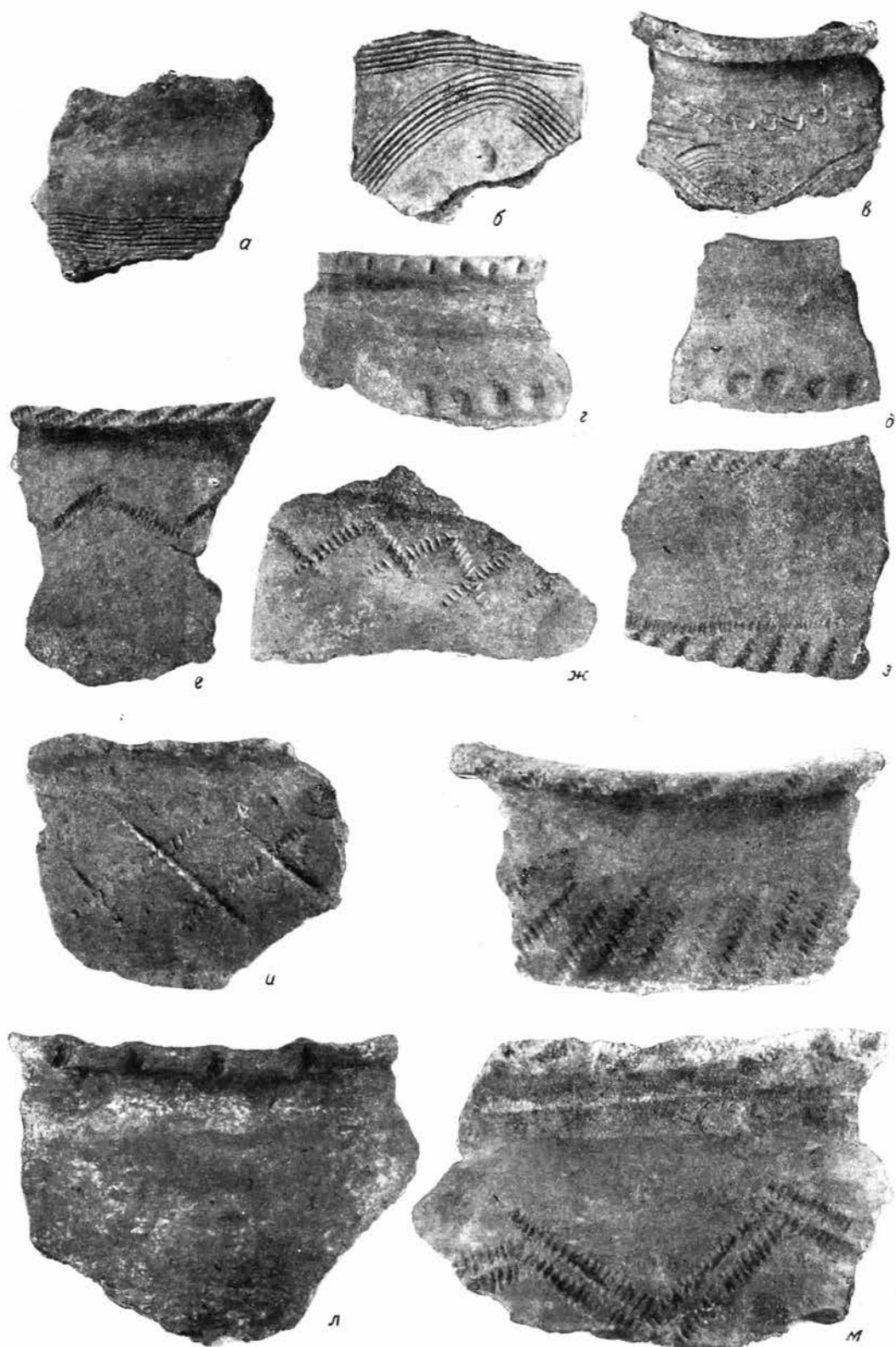

Рис. 16. Орнаментация раннеславянской глиняной посуды.

а—в, д, е, з — поселения роменской группы. (По Н. Е. Макаренко); е, ж, и—м — Полтавское поселение.

более или менее вертикальные. Высота их 3—4 см. Верхняя часть бортиков более тонкая, чем нижняя. Край бортика иногда орнаментирован отрисками зубчатого чекана или отпечатками кончиков пальцев. Качество глины и техника изготовления сковородок стоят значительно выше, чем у горшков: сковородки делались из более чистой глины, примесей в ней значительно меньше, и она плотнее, обжиг сковородок более ровный. Цвет их преимущественно темнобурый.

Из других сосудов, встречаемых на славянских поселениях VIII—X вв., следует отметить яйцевидные амфоры.¹ Сосуды этого типа нельзя считать характерными для славянских поселений: они не являются составной частью их керамического комплекса. Яйцевидные амфоры имеют широкое распространение на юге и юго-востоке в VIII—X вв. Их очень много на поселениях салтово-маяцкой культуры, где они и производились.² При изучении славянских поселений они ценны как датирующий материал.

По сравнению с керамическими остатками другие предметы быта среди материалов славянских поселений представлены довольно бедно. Из железных вещей следует отметить черенковые, с прямой спинкой ножи, а также острия.³ Значительно богаче как по количеству, так и по ассортименту изделия из кости — кочедыки, рукояти, иглы для вязанья сетей, шилья и другие острия и прочие поделки⁴ (рис. 18). Из глиняных изделий следует отметить в первую очередь пряслица (рис. 49, а). Форма их преимущественно биконическая, усеченная. Встречаются и овальные.⁵

Большое место среди глиняных поделок занимают так называемые конусы (рис. 19, б). Они встречены почти во всех исследованных жилищах. О их назначении имеются самые разнообразные предположения. Какое из этих предположений соответствует действительности, сказать пока трудно.⁶

Из украшений следует отметить стеклянные и пастовые бусы. Это, кажется, все, что известно в настоящее время.⁷

Значительное место среди культурных остатков занимают кости животных. К сожалению, не все исследователи уделяют должное внимание этой интереснейшей группе культурных остатков, проливающей свет на многие стороны хозяйственной жизни славянского населения, вследствие чего костные остатки или совершенно не собираются, или же остаются необработанными. В отношении использования как источника, костных остатков славянских поселений роменско-боршевского типа, встречается и еще одна трудность. Поскольку поселения, содержащие отложения раннеславянской культуры, в подавляющем большинстве своем многослойные, а культурный слой, как правило, перемешан, при их исследовании трудно выделить костные остатки, относящиеся к раннеславянской поро.

¹ И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ. стр. 122.

² В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 468 и сл.

³ И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 124—125 и рис. 56. — М. Макаренко. Городище Монастирище. , стр. 22 и табл. IV, 7

⁴ И. Ляпушкин, ук. соч. — М. Макаренко, ук. соч. — П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища. , стр. 134 (рис. 6) и 138.

⁵ И. Ляпушкин, ук. соч. — П. Третьяков, ук. соч.

⁶ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 79. — И. Ляпушкин, ук. соч. — Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 75—76.

⁷ И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 125.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется костный материал с двух поселений, который более или менее отражает место домашних

Рис. 17. Керамика раннеславянских поселений (сосуды для хранения продуктов).

а, б — поселения роменской группы. (По Н. Е. Макаренко); в—г — Опошьянское поселение.

и диких животных в хозяйстве славянского населения исследуемой поры. Это материалы Петровского городища, исследованного П. Н. Третьяко-

Рис. 18. Поделки из кости.

вым,¹ и материалы Опошнянского городища, исследованного нами.² Материалы эти хотя и немногочисленны, но характерны. Прежде всего следует отметить, что по своему составу костные остатки обоих поселений очень близки. Судя по этим данным, мы имеем основание утверждать,

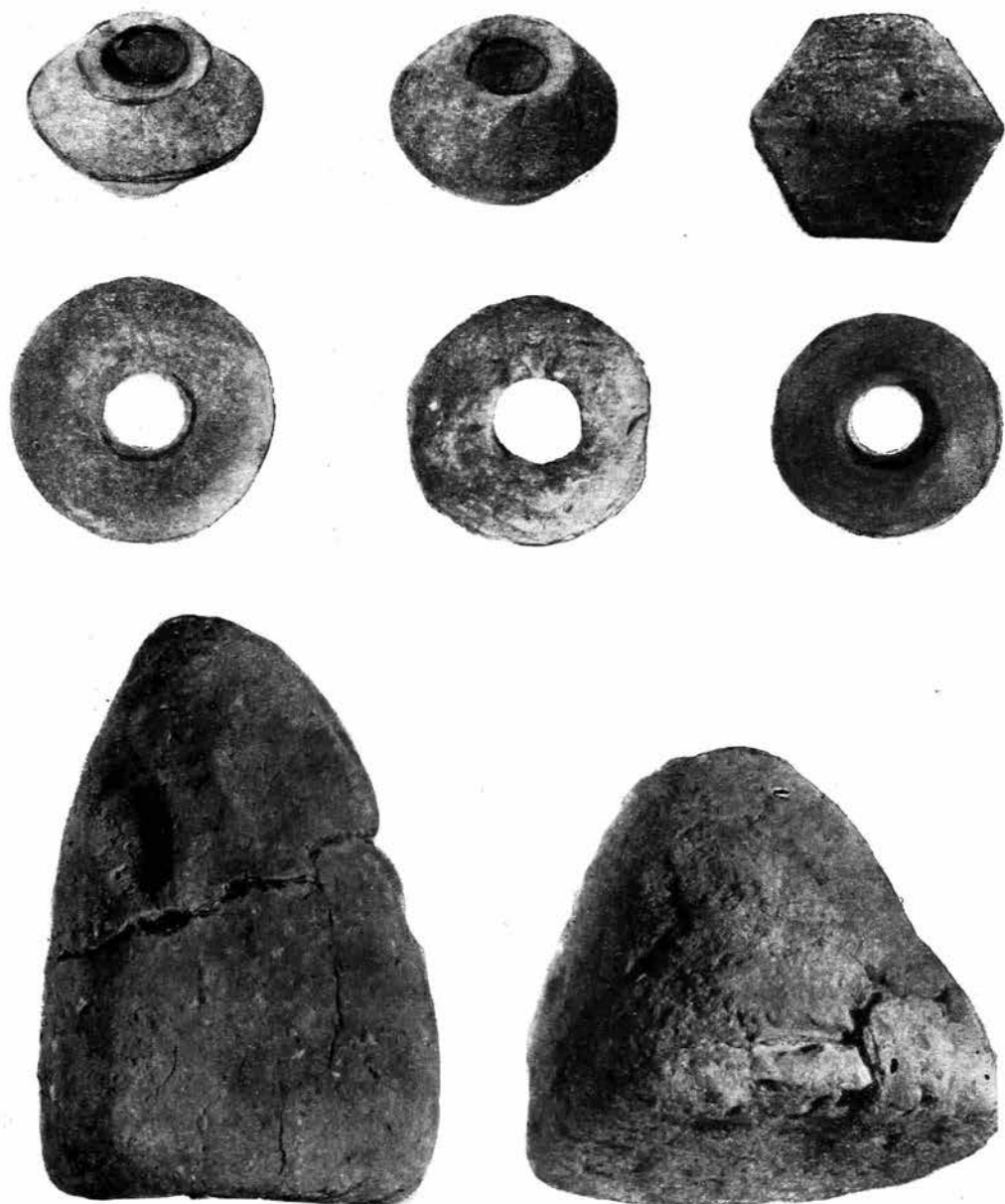

Рис 19. Поделки из глины.
Вверху — пряслица; внизу — конусы.

что в хозяйственной деятельности славянского населения домашние животные (корова, лошадь, овца и свинья) играли большую роль, чем дикие. Им принадлежит 3/4 костных остатков. Конечно, эти выводы нельзя считать окончательными. Они основаны на весьма небольшом материале и требуют дополнительной проверки. Приходится очень сожа-

¹ П. Третьяков. Стародавні слов'янські поселення. стр. 138—139.

² И. Ляпушкин, ук. соч., стр. 125.

леть, что нет возможности использовать более богатый материал, добытый при раскопках Полтавского поселения. Многослойность этого поселения и сильная перекопанность его обесценивают костные остатки, поскольку нет уверенности в том, что остатки одного слоя не попали в другой.

Приведенные нами материалы, характеризующие жизненный уклад обитателей роменско-боршевских поселений, полностью подтверждают отмечаемые многими исследователями примитивность и архаизм изучаемой культуры.¹ Однако суждения некоторых из них в этом вопросе доходят явно до крайности и согласиться с ними никак нельзя.² В то же время эти материалы показывают, насколько наши знания многочисленных раннеславянских памятников, а следовательно, и жизни населения, оставившего эти памятники, отрывочны.

Переходя к выяснению датировки славянских поселений роменско-боршевского типа, следует отметить, что со времени выхода в свет нашей статьи, посвященной этому вопросу,³ данных для пересмотра установленной нами даты (VIII—X вв.) не появилось. Наоборот, судя по вышедшим за последнее время работам,⁴ в той или иной мере затрагивающим этот вопрос, эта датировка находит все большее подтверждение, поэтому останавливаться здесь на этом вопросе мы не считаем нужным.

4

В заключение необходимо остановиться еще на двух вопросах: какое место в истории Левобережья занимало население, оставившее памятники роменско-боршевского типа, и как широко территориально были распространены памятники этого типа.

Соображения по первому вопросу частично нами были изложены в одной из недавно опубликованных работ.⁵ В ней мы касаемся отношений населения, оставившего памятники роменско-боршевского типа, к населению предшествующей поры, оставившему памятники культуры «полей погребений». Повторять все сказанное нами нет никакой необходимости. Напомним лишь, что в результате анализа археологических памятников, оставленных той и другой группой населения, мы пришли к выводу, что в культуре поселений роменско-боршевского типа и «полей погребений» нет элементов материальной культуры, которые могли бы указывать на связь между этими группами населения, и что взаимоотношение их требует дальнейшего всестороннего изучения.

Вопросом отношений «роменцев» и населения последующей, так называемой великокняжеской поры (X—XIII вв.) специально, кажется, никто не занимался, ибо вопрос этот настолько ясен сам по себе, что не вызывает никаких разногласий. Все считают очевидным, что население X—XIII вв., обитавшее в области Левобережья, в основной своей массе корнями восходит к населению, оставившему памятники роменского типа. При анализе археологических памятников это подтверждается на

¹ М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 22. — П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, V, 1940, стр. 15—16.

² М. Макаренко. Городище Монастирище, стр. 22.

³ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 134.

⁴ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища..., стр. 134 сл. — М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 74 сл.

⁵ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950.

материалах и поселений и могильников. На них ясно прослеживается переход от одного периода жизни к другому по всему комплексу материальной культуры — характер поселения, жилищно-хозяйственные сооружения, бытовой инвентарь (керамика, изделия из кости, железа и т. д.), несмотря на то, что в целом культура одного и другого периода внешне как будто резко отлична.

Довольно сложным является второй вопрос: как широко территориально были распространены памятники этого типа. Существует мнение, что роменско-боршевские поселения представляют собой своеобразную группу славянских памятников, присущую лишь Днепровскому Левобережью (в широком смысле этого слова). Мысль эта не новая. В предположительной форме она была высказана еще Н. Е. Макаренко.¹ В настоящее время это положение приобрело значительное распространение как в специальной археологической, так и в исторической литературе.²

Однако, как показывают полевые исследования последних лет, а в свете их и ранее известные отрывочные данные, этот вывод не может считаться окончательным. Оказывается, что архаические черты материальной культуры славянских памятников роменско-боршевского типа (грубая лепная керамика с своеобразным орнаментом, большое количество орудий из кости, полуземляночные жилища) прослеживаются в материальной культуре раннеславянских племен и других областей.³ Правда, мы располагаем пока для этих районов немногочисленными и к тому же довольно отрывочными данными по этому вопросу, что вполне понятно: памятники славянской культуры конца I тысячелетия, в особенности же поселения, совершенно не изучены. Естественно, что каждый новый шаг, сделанный в этом направлении, должен привлечь наше внимание, равно как не должно быть забыто все то, что сделано в прошлом.

На находки комплексов вещей роменского типа на Среднеднепровском Правобережье в свое время уже указывалось при анализе материалов из раскопок 1932 г. на горе Киселевке в Киеве.⁴ Данные, приведенные автором, были, однако, недостаточно ярки для того, чтобы на них обратили должное внимание. В последнее время полевые изыскания в области Правобережья дали новый материал, заставляющий нас присмотреться к нему. Особого внимания заслуживают раскопки древних поселений, проводимые Институтом археологии АН УССР в окрестности с. Райки Житомирской обл. Бердичевского района. Материалы раскопок полностью еще не опубликованы. О них можно судить лишь по кратким предварительным отчетам, появившимся в периодической печати,⁵ и по докладу, прочитанному автором раскопок на пленуме ИИМК, посвященном

¹ М. Макаренко. Городище Монастирще. стр. 4—6. — О н ж е. Орнаментация керамічних впробів. , стр. 334 сл.

² П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. ИИМК, X, стр. 123—124. — О н ж е. Анты и Русь. СЭ, № 4, 1947, стр. 71—83. — О н ж е. Восточнославянские племена. , стр. 133—135, 172—174.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 101—104. — В. К. Гончаров. Посад и сільські поселення коло Райковецького городища. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Киев, 1949, стр. 32—35. — В. И. Сизов. Дьяково — городище близ Москвы. Тр. IX АС, т. II, М., 1897, стр. 256—267. — В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, год VI, №№ 7 и 8, М., 1898, стр. 221 сл.

⁴ С. Магура. До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплеминого ладу. НЗІМК, кн. I, Киев, 1934.

⁵ В. К. Гончаров. Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. ст. Вісник Академії Наук УРСР, № 7, Липень, 1948 рік. Киев, стр. 48—49. — О н ж е. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища, стр. 31—46.

полевым исследованиям 1948 г. Но и этих кратких сведений вполне достаточно, чтобы разобраться в том, что представляют собой исследуемые памятники. В районе Райки обнаружено три славянских поселения, относящихся к концу I тысячелетия. Одно из них — на территории известного Райковецкого городища под слоем X—XIII вв., два других недалеко от первого, в урочище «Запасика» и «Лука». Таким образом, перед нами та же самая группировка поселений, что имеет место в тот же самый период на Левобережье. Самое же главное то, что обнаруженные при раскопках всех трех поселений остатки материальной культуры во многом напоминают остатки славянской культуры роменско-боршевского типа. Здесь имеются те же полуземляночные жилища, прямоугольные в плане, с печами-каменками четырехугольной формы,¹ расположенными в углах. Из бытового материала наиболее интересными являются обломки глиняной лепной посуды, сделанной из теста, содержащего значительное количество примеси в виде зерен кварца. Сосуды (кухонные горшки и сковородки) украшены линией и волной, а также зубчатым чеканом, т. е. такие, как и керамика роменских городищ Левобережья. Демонстрируемый автором раскопок на Пленуме ИИМК керамический материал было трудно отличить от левобережных материалов.

Автор раскопок датирует эти памятники антским временем, VI—VII вв.² В докладе на пленуме ИИМК он склонен был изменить эту дату на VIII—IX вв., т. е. датировать их тем же самым временем, что и роменские городища.

Фрагмент лепного сосуда роменского типа с орнаментацией зубчатым чеканом найден П. А. Раппопортом на городище у с. Плисецкое, к юго-западу от Киева.

В свете этих новых материалов (особенно из поселений у с. Райки) сейчас едва ли возможно утверждать, что славянских поселений роменско-боршевского типа, или — точнее — аналогичных им, на Правобережье нет. Их нет, по видимому, лишь потому, что многочисленные городища, известные в этом районе, остаются до сих пор не только неисследованными, но и необследованными. В тех случаях, когда раннеславянские памятники попадают в поле зрения археологов, они дают материалы, близкие материалам левобережных поселений.³ Несомненно, у каждого района есть свои особенности, как это имеет место и в более позднее время (X—XIII вв.), но общий облик их довольно единообразен. Это подтверждается не только тем, что приведено выше, но и рядом других хорошо известных фактов. Так, элементы раннеславянской культуры роменско-боршевского типа в виде характерной архаической лепной керамики, украшенной зубчатым чеканом, известны среди архео-

¹ Ср.: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 29—31.

² В. К. Гончаров. Райковецкие феодальные городища, стр. 48—49.

³ Во время подготовки настоящей работы к печати мы имели возможность ознакомиться на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном полевым исследованиям 1950 г., с материалами, собранными в последние годы сотрудниками Черновицкого музея на средневековых поселениях бассейна верхнего течения Днестра. Материалы эти являются новым подтверждением высказанного нами выше положения. Среди обследованных памятников и здесь оказался ряд поселений (близ населенных пунктов Біла, Баламутівка, Бабино и др.) с раннеславянским комплексом архаического облика, близким к комплексу роменско-боршевских поселений (лепные шамотированные кухонные горшки, сковородки, большие сковороды для сушки зерна и т. п.). Исследователи датируют эти памятники VIII—X вв. Не исключена возможность, что нижняя граница этих памятников относится к более раннему времени (VI—VII вв.) (доклад научного сотрудника краеведческого музея Б. А. Тимошука).

логических материалов верхнего течения Днепра — в Гнездовском могильнике.¹ Керамика роменско-боршевского типа обнаружена на многих укрепленных поселениях и верхнего течения Оки (Дьяковское,² Федяшевское³ и др.). Костяные и некоторые другие изделия, собранные на этих поселениях, также ничем не отличаются от изделий поселений роменско-боршевского типа. Судя по некоторым данным, поселения верхнего течения Оки имеют и полуземляночные жилища, т. е. того же роменско-боршевского типа. Наконец, следует отметить еще один район, где элементы славянской культуры роменско-боршевского типа в виде керамики были встречены не один раз, — Белоруссия, ее южная часть. Нет сомнения, что дальнейшие полевые исследования в отмеченных районах вскроют не один памятник этого типа, свидетельствуя тем самым, что единство восточнославянского мира, хорошо знакомое нам по памятникам X—XIII вв., возникло до образования Киевского государства.

Приложение

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, БЛИЗ КОТОРЫХ РАСПОЛОЖЕНЫ РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VIII—X вв.

- 1 — А в д е с о, Курской обл. Ленинского района, урочище Городище (правый берег р. Сейма) — селище;
- 2 — А з а к, Сумской обл. Лебединского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 3 — А х т ы р к а, Сумской обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 4 — Б а н и щ е, Курской обл. Львовского района, урочище Соловень-бугор (правый берег р. Сейма) — городище и селище;
- 5 — Б р о в а р к и, Полтавской обл. Гадячского района (правый берег Псла) — городище и селище;
- 6 — В о р о ж б а, Сумской обл. Лебединского района, урочище Городище (правый берег р. Псла) — городище (?);
- 7 — В о л о к и т н о, Сумской обл. Шарыгинского района (правый берег р. Клевень, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 8 — Г л и н с к, Полтавской обл. Опшмянского района (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 9 — Г л и н с к, Сумской обл. (правый берег р. Сулы) — городище;
- 10 — Г о р к а, Сумской обл. Лебединского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 11 — Г о р н а л ь, Курской обл. Суджанского района, урочище Большое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 12 — Г о р н а л ь, Курской обл. Суджанского района, урочище Малое Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 13 — Д о л г и й К о л о д е з ь, Курской обл. Беловского района, урочище Стрелица (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 14 — Д о л г и й К о л о д е з ь, Курской обл. Беловского района, урочище Вышний (правый берег р. Псла) — городище;
- 15 — Ж у р а в н о е, Сумской обл. Ахтырского района (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 16 — З е л е н ы й Г а й, Сумской обл. и района, урочище Старое Крейдище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 17 — К а м е н н о е, Сумской обл. Лебединского района, урочище Городище (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 18 — К а п у с т и ч и, Курской обл. Рыльского района (правый берег р. Сейма) — городище;
- 19 — К а р а ч е в к а, Харьковской обл. и района, урочище Донецкое городище (правый берег р. Уды) — городище и селище;
- 20 — К н ы ш е в к а, Полтавской обл. Гадячского района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 21 — К р а с н о е У т р о (б. Божки), Сумской обл. Крелевецкого района, урочище Перуново городище (правый берег р. Сейма) — городище и селище;

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1, стр. 101—114.

² В. И. Сизов. Дьяково — городище близ Москвы, стр. 256—267.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г., стр. 221 сл.

- 22 — Куземин, Сумской обл. Груньского района (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 23 — Липино, Курской обл. Ленинского района (правый берег р. Сейма) — городище и селище;
- 24 — Литвиновичи, Сумской обл. Путивльского района (правый берег р. Воргол, правого притока р. Сейма) — городище;
- 25 — Лубны, Полтавской обл. (правый берег р. Сулы) — городище;
- 26 — Могрица, Сумской обл. Миропольского района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 27 — Новотроицкое, Сумской обл. Лебединского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 28 — Опошня, Полтавской обл. (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 29 — Осолово, Курской обл. Рыльского района (правый берег р. Сейма при устье р. Амонки) — городище;
- 30 — Петровское, Сумской обл. Тростянецкого района (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 31 — Петровское, Сумской обл. Тростянецкого района (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 32 — Решетники (б. Ст. Сенжары), Полтавской обл. Н. Сенжарского района (правый берег р. Ворсклы) — городище (?);
- 33 — Решетники (б. Ст. Сенжары), Полтавской обл. Н. Сенжарского района, урочище «Городок» (правый берег р. Ворсклы) — городище;
- 34 — Сары, Полтавской обл. Гадячского района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 35 — Скоробогатки, Полтавской обл. Лохвицкого района (правый берег р. Сулы) — городище и селище;
- 36 — Сосница, Черниговской обл. (на берегу оз. Буромка) — городище (?);
- 37 — Тополн, Сумской обл. и района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 38 — Хотмыжск, Курской обл. Борисовского района (правый берег р. Ворсклы) — городище и селище;
- 39 — Чернечина, Сумской обл. Ахтырского района (правый берег р. Ворсклы) — селище;
- 40 — Шпилевка, Сумской обл. и района (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 41 — Шумск, Сумской обл. Глинского района, б. х. Вашкевича (правый берег р. Сулы) — городище;
- 42 — Басивка, Сумской обл. Смеловского района (бассейн р. Сулы) — городище;
- 43 — Водяное, Харьковской обл. Змиевского района (правый берег р. Уды) — городище;
- 44 — Волынцёво, Сумской обл. Путивльского района, урочище Дроголевское городище (правый берег р. Сейма) — городище;
- 45 — Воргол, Сумской обл. Путивльского района (правый берег р. Клевень, правого притока р. Сейма) — городище;
- 46 — Горки, Сумской обл. Путивльского района (правый берег р. Сейма) — городище;
- 47 — Городище, Курской обл. Бесединского района (правый берег р. Рать, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 48 — Гочёво, Курской обл. Беловского района (правый берег р. Псла) — городище;
- 49 — Долгий Колодезь, Курской обл. Беловского района, урочище Наволочка (правый берег р. Псла) — городище;
- 50 — Картамышёво, Курской обл. Обоянского района, урочище Погребки (правый берег р. Псла) — городище и селище;
- 51 — Лещиновка, Курской обл. Глушковского района (правый берег р. Сейма) — городище и селище;
- 52 — Медвежье, Сумской обл. Талалаевского района (правый берег р. Ромен, правого притока р. Сулы) — городище;
- 53 — Мохнач, Харьковской обл. Змиевского района (правый берег р. Северского Донца) — городище;
- 54 — Полтава, Красная площадь (правый берег р. Ворсклы) — городище (?);
- 55 — Путивль, Сумской обл., урочище Никольская горка (правый берег р. Сейма) — городище (?);
- 56 — Ромны, Сумской обл., урочище Монастырище (правый берег р. Ромен близ впадения в р. Сулу) — городище;
- 57 — Великая Рыбица, Сумской обл. Миропольского района (левый берег р. Рыбицы при впадении в р. Псел) — городище и селище;
- 58 — Рыльск, Курской обл. (правый берег р. Сейма) — городище (?);

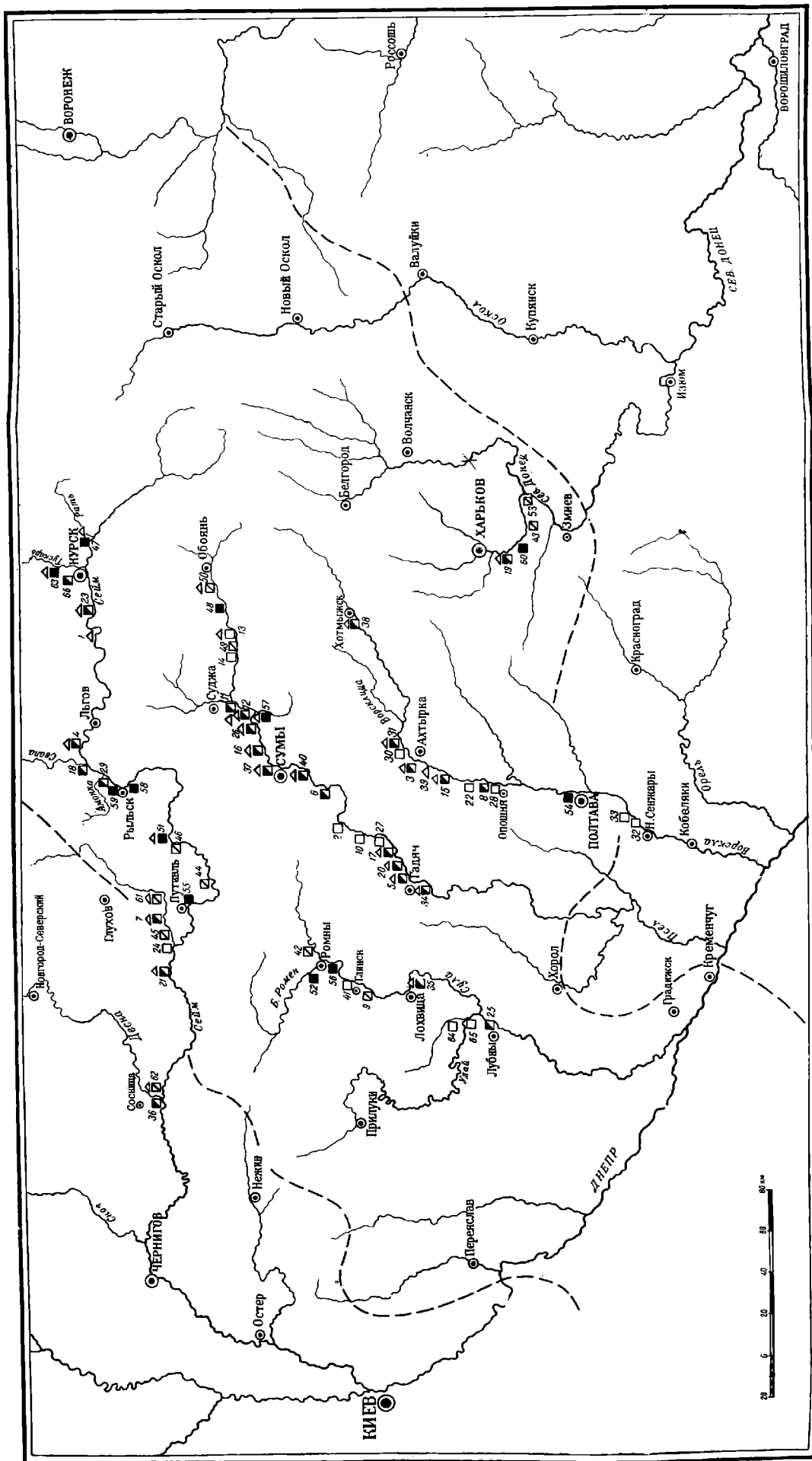

Рис. 20. Карта раннеславянских поселений Днепровского Левобережья.

1 — раннеславянские городища VIII—X вв.; 2 — раннеславянские городища X—XIII вв.; 3 — раннеславянские городища XIV—X вв.; 4 — раннеславянские городища XV—X вв.; 5 — раннеславянские городища XVI—X вв.; 6 — раннеславянские городища XVII—X вв.; 7 — раннеславянские городища XVIII—X вв.; 8 — раннеславянские городища XIX—X вв.; 9 — раннеславянские городища XX—X вв.; 10 — раннеславянские городища XXI—X вв.; 11 — раннеславянские городища XXII—X вв.; 12 — раннеславянские городища XXIII—X вв.; 13 — раннеславянские городища XXIV—X вв.; 14 — раннеславянские городища XXV—X вв.; 15 — раннеславянские городища XXVI—X вв.; 16 — раннеславянские городища XXVII—X вв.; 17 — раннеславянские городища XXVIII—X вв.; 18 — раннеславянские городища XXIX—X вв.; 19 — раннеславянские городища XXX—X вв.; 20 — раннеславянские городища XXXI—X вв.; 21 — раннеславянские городища XXXII—X вв.; 22 — раннеславянские городища XXXIII—X вв.; 23 — раннеславянские городища XXXIV—X вв.; 24 — раннеславянские городища XXXV—X вв.; 25 — раннеславянские городища XXXVI—X вв.; 26 — раннеславянские городища XXXVII—X вв.; 27 — раннеславянские городища XXXVIII—X вв.; 28 — раннеславянские городища XXXIX—X вв.; 29 — раннеславянские городища XXXX—X вв.; 30 — раннеславянские городища XXXXI—X вв.; 31 — раннеславянские городища XXXXII—X вв.; 32 — раннеславянские городища XXXXIII—X вв.; 33 — раннеславянские городища XXXXIV—X вв.; 34 — раннеславянские городища XXXXV—X вв.; 35 — раннеславянские городища XXXXVI—X вв.; 36 — раннеславянские городища XXXXVII—X вв.; 37 — раннеславянские городища XXXXVIII—X вв.; 38 — раннеславянские городища XXXXIX—X вв.; 39 — раннеславянские городища XXXXX—X вв.; 40 — раннеславянские городища XXXXXI—X вв.; 41 — раннеславянские городища XXXXXII—X вв.; 42 — раннеславянские городища XXXXXIII—X вв.; 43 — раннеславянские городища XXXXXIV—X вв.; 44 — раннеславянские городища XXXXXV—X вв.; 45 — раннеславянские городища XXXXXVI—X вв.; 46 — раннеславянские городища XXXXXVII—X вв.; 47 — раннеславянские городища XXXXXVIII—X вв.; 48 — раннеславянские городища XXXXXIX—X вв.; 49 — раннеславянские городища XXXXXX—X вв.; 50 — раннеславянские городища XXXXXXI—X вв.; 51 — раннеславянские городища XXXXXXII—X вв.; 52 — раннеславянские городища XXXXXXIII—X вв.; 53 — раннеславянские городища XXXXXXIV—X вв.; 54 — раннеславянские городища XXXXXXV—X вв.; 55 — раннеславянские городища XXXXXXVI—X вв.; 56 — раннеславянские городища XXXXXXVII—X вв.; 57 — раннеславянские городища XXXXXXVIII—X вв.; 58 — раннеславянские городища XXXXXXIX—X вв.; 59 — раннеславянские городища XXXXXXX—X вв.; 60 — раннеславянские городища XXXXXXXI—X вв.; 61 — раннеславянские городища XXXXXXXII—X вв.; 62 — раннеславянские городища XXXXXXXIII—X вв.; 63 — раннеславянские городища XXXXXXXIV—X вв.; 64 — раннеславянские городища XXXXXXXV—X вв.; 65 — раннеславянские городища XXXXXXXVI—X вв.; 66 — раннеславянские городища XXXXXXXVII—X вв.; 67 — раннеславянские городища XXXXXXXVIII—X вв.; 68 — раннеславянские городища XXXXXXXIX—X вв.; 69 — раннеславянские городища XXXXXXXX—X вв.; 70 — раннеславянские городища XXXXXXXXI—X вв.; 71 — раннеславянские городища XXXXXXXXII—X вв.; 72 — раннеславянские городища XXXXXXXXIII—X вв.; 73 — раннеславянские городища XXXXXXXXIV—X вв.; 74 — раннеславянские городища XXXXXXXXV—X вв.; 75 — раннеславянские городища XXXXXXXXVI—X вв.; 76 — раннеславянские городища XXXXXXXXVII—X вв.; 77 — раннеславянские городища XXXXXXXXVIII—X вв.; 78 — раннеславянские городища XXXXXXXXIX—X вв.; 79 — раннеславянские городища XXXXXXXXX—X вв.; 80 — раннеславянские городища XXXXXXXXXI—X вв.; 81 — раннеславянские городища XXXXXXXXXII—X вв.; 82 — раннеславянские городища XXXXXXXXXIII—X вв.; 83 — раннеславянские городища XXXXXXXXXIV—X вв.; 84 — раннеславянские городища XXXXXXXXXV—X вв.; 85 — раннеславянские городища XXXXXXXXXVI—X вв.; 86 — раннеславянские городища XXXXXXXXXVII—X вв.; 87 — раннеславянские городища XXXXXXXXXVIII—X вв.; 88 — раннеславянские городища XXXXXXXXXIX—X вв.; 89 — раннеславянские городища XXXXXXXXXX—X вв.; 90 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXI—X вв.; 91 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXII—X вв.; 92 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXIII—X вв.; 93 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXIV—X вв.; 94 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXV—X вв.; 95 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXVI—X вв.; 96 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXVII—X вв.; 97 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXVIII—X вв.; 98 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXIX—X вв.; 99 — раннеславянские городища XXXXXXXXXX—X вв.; 100 — раннеславянские городища XXXXXXXXXXI—X вв.

- 59—Рыльск, Курской обл., урочище Подмонастырская Слобода (правый берег р. Сейма) — городище;
- 60—Хорошево, Харьковской обл. и района (правый берег р. Уды) — городище;
- 61—Ховзовка, Сумской обл. Путивльского района, урочище Шпиль (правый берег р. Клевень, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 62—Шебалиново, Черниговской обл. Коропского района (правый берег р. Сейма близ впадения в р. Десну) — городище и селище;
- 63—Шуклинка, Курской обл. Стрелецкого района (правый берег р. Тускарь, правого притока р. Сейма) — городище и селище;
- 64—Городище, Полтавской обл. Чернухинского района, урочище Замок (правый берег реки Удай при впадении р. Многа) — городище;
- 65—Хитцы, Полтавской обл. Лубенского района (правый берег р. Удай, правого притока р. Сулы) — городище;
- 66—Курск (правый берег р. Тускарь, правого притока р. Сейма) — городище (?).
-